

СМЕНА

24 1000

1960

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЁЖЬ

ПРЕКРАСНЫМИ ДЕЛАМИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЁЖИ ОТМЕЧЕН УХОДЯЩИЙ 1960 ГОД. В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ О НЕКОТОРЫХ ИЗ ЭТИХ СЛАВНЫХ ДЕЛ НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ.

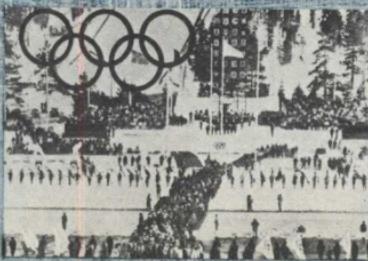
Новым крутым сокращением Вооруженных Сил СССР ознаменовалось начало года. Бывшие воины едут на целину.

Весь мир чудит о выдающихся наработках советских гидротехн. инженеров Зиганшина, Поплавского, Крючковского, Федотова. Народ заслуженно называет их «покорителями океана».

Вот они — юные герои VIII зимних Олимпийских игр, на которых свое победное шествие в 1960 году совершили спортивные

Казахстанская Магнитка — взрывная стройка срыва сроков. Вот она, первая доменная печь Казахстанской Магнитки, досрочно введенная в действие в этом году.

Смена

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

24 ДЕКАБРЬ 1960

Год издания тридцать седьмой.

С ПАРТИЕЙ НАШИ ДЕЛА И ДУМЫ!

Прибликается Пленум ЦК КПСС. В эти дни молодые труженики сельского хозяйства рапортуют Родине о своих успехах, подытоживают все, что сделано, и намечают пути к новым достижениям.

Ниже мы публикуем выступления молодых животноводов из разных уголков нашей страны.

Молодежь нашей Ленинградской области, по-моему, неплохо встречает январский Пленум ЦК КПСС: из пяти миллионов голов птицы, выращенных в области, половина приходится на долю юношей и девушек. А из этого количества, в свою очередь, целых полтора миллиона падает на комсомольскую «головную целину».

«Головную целину» решили поднимать в прошлом году. Ведь это же очень выгодное дело — разводить водоплавающую птицу. И хлопот с ней не так уж много, и растет быстро.

Задумали — сделали.

У нас на птицефабрике «Скворицы» за это дело взялись.

Молодые: я и Павел Федорович Соколов, коммунист, бывший плотник. Сначала намечали вырастить тысячу по 30 пекинских уток.

Отвели нам каждому по четыре загончика на берегу ручья. В первом загончике совсем крохотные утятца, во втором — более взрослые — и боязливые. Весь день таск и боягашся из загончика в загончик. Тысячи уток — это огромная стая, прокорявшая и Белоснежной. Кто лапку повредит — гипс накладывает, кого от истербы надо спасать, а слабеньких в специальный загончик отсадить. Первую партию уток я принял в мае, в последнюю — с сентября. За это

время я вырастила 47,5 тысячи уток и сдала государству 65 тонн утиного мяса. Выкликнули у меня № 97 из 100. Говорят, это не плохой результат. У Павла Федоровича получились прибыльные, так же. И мы с ним впереди, уверованы в следующий год. А к Пленуму он предложил:

Знавши, Нина, не гордится нам от других отставать. Давай свою обязанность на будущий год пересматривай...

Подсчитали внимательно, и действительно, оказалось, что не все учили. В будущем году мы решим сдать государству по 75 тонн утиного мяса. Думай, обещание свое выполним.

ПОДНИМАЕМ
«ГОЛОУБУЩУЮ ЦЕЛИНУ»

Нина ХАМЕЛЯНЕН,
птицница

Гатчинский район,
Ленинградской области.

дашевое. Но я думаю так, что сно может быть еще дашевое. Пусть к этому подскажут Любовь Сысоева, зоотехник из Подмосковья, которая обслуживает однокоровье.

Чтобы этот опыт мог быть широко распространен, нам, дядюшкам, нужна помощь.

Сейчас у меня первенской доильный аппарат. С таким аппаратом со стороны не выйдиши. Потаскай-ка такую тяжесть от коровы к корове стоя — раз — свет на визиади. Нужна нам непременно доильная площадка, нужна комплексная механизация.

Читали мы как-то статью за-

местителя председателя Совета Министров УССР Е. Сенина о комплексной механизации животноводческих ферм. Оказывается, у нас на Украине доильные коровы механизированы пока только на 15 процентов — против того, что на нашей ферме. И корова сама разбрьасывает и бидоны на себе таскает. Это очень плохо. Добиться хорошей производительности труда с такой механизацией, ой, как трудно.

Вот почему мы, дядюшки, от всего сердца приветствуем бы каждый новый шаг на пути к дальнейшей механизации и автоматизации наших молочнотоварных ферм.

МОЛОКО МОЖЕТ БЫТЬ
ДЕШЕВЛЕ

Екатерина КУЦА,
дворняня совхоза
«Ново-Александровка»
Березанский район,
Киевской области.

Николай КИКТЕЕВ,
секретарь комитета колхоза
«Большевик»

Лисковский район,
Владимирской области.

Недавно я узнала, что, по подсчетам экономистов, для выполнения заданий семилетки по животноводству при нынешней вооруженности ферм в колхозах и совхозах придется направить еще миллионов семь рабочих. Нас, животноводов, такой выход, конечно, не устраивает. Ведь есть другой путь — путь повышения производительности труда рабочих ферм.

Взять хотя бы метод бесприязвного содержания скота. При этом методе сразу виднеются сокращения количества дядрок. Я знаю, в некоторых районах переход на бесприязвное содержание скота не удался. И вот появился рабочий метод, при котором новая технология себя не оправдывает. Такими скептиками можно сказать, что они просто без душин подошли к делу или без достаточных знаний. За примерами не надо далеко ходить.

В нашей Владимирской области уже около семисот ферм перешли на бесприязвное содержание скота. А к концу

1963 года все до одной фермы области будут работать по этому методу. Это, по-моему, замечательное дело.

Когда я вернулся после армии в наш колхоз «Большевик», на каждой ферме было полным-полно коров. А лицом коровы стояли два с половиной рубля. Сейчас же коровы обходятся нам в 60 копеек. Дядюшки на фермах в четыре раза меньше — каждая из них обслуживает около полуторы коров.

Секрет такого успеха очень прост: бесприязвное содержание коров сочетается у нас с комплексной механизацией ферм. Иногда забываю, что дядюшки должны обслуживать несколько десятков коров только в том случае, если на ферме есть комплексная механизация. Именно комплексная, а не механизация отдельных процессов. Мне кажется, заводы, поставляющие оборудование для животноводческих ферм, должны направлять в колхозы и совхозы не отдельные аппараты, а сразу

целые комплексы механизмов.

У нас в «Большевике» организована специальная комплексная бригада по механизации животноводческих ферм. Специализирована эта бригада тем, что она занимается всеми, полученным в техникуме, стало заметно недоставать, и я поступила в заочный энергетический институт. В бригаде нашей в основном все комсомольцы. Ее и называют комсомольско-молодежной. Внедрение механизации и автоматизации мы считаем своей первой задачей комсомольской обязанностью.

В наши колхозы механизированы уже все фермы. Удались механизировать и такой трудоемкий процесс, как погрузка бидонов. Теперь молоко поступает с доильнойплощадки в трубопровод, а оттуда автоматически распределяется по флягам, транспортируемых прямо на машину.

В результате и вышло, что себестоимость молока снизилась у нас бесс малого вчетверо.

О МАШИНАХ И СЕБЕСТОИМОСТИ

ПУТЕВОДНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Иван КАЧАНОВ,
свинарь совхоза
«Трубетчинский».
Липецкая область.

Я работал в животноводстве давно. Еще вместе с отцом овцев пас. Потом, отец на фронт ушел. И я стал подпаском у старшего брата. На наших глазах восстанавливавшийся сквозь годывойной. Трудно, конечно, было. Работных руок нехватало. Отслужив в армии, я попал пошел в скотники: сильно побоялся эта дела. Года четыре назад предложили мне, чтобы я перешел в комсомол: «так, мал, иди, переходи». Я отстающий участник на свиноферме. Тогда и родные и знакомые отговаривали меня: «чтобы не грязь лезешь? Был отставший участник и будет — условий нет... Теснота, все вручили». А я подумал — надо же когда-нибудь начинать все по-другому. И пошел на свиноферму. С тех пор и работаю свиноводом.

Этот год был для меня и рудным и счастливым. Взял я обязательство открыть 1000 гаиней. У нас просто руками пахали. Да я и сам, если честно сказать, боялся понадчу, что не справлюсь. Механизация у нас на ферме не стояла никакая. Но потом пошло и

пошло. И когда взялся в сентябре подсчитывать итоги — своим глазам не поверил. Оказалось, откомрия я уж 1600 свиней. То ли особый способ кормления помог, то ли режим, который я установил для своих питомцев. На радостях написал я письмо Никите Сергеевичу Хрущеву, где сообщил о своих успехах. Написал и как-то недобро спросил: «Почему думашь — 1600 голов. Так ли уж это много? Недели две получался. А потом приходит мне из Москвы теплый дружеский ответ. Никита Сергеевич поздравляет меня и желает мне хорошего здоровья и новых успехов. Можете представить, как это звено окрылило! К концу этого года я уже сделал государству около 2000 свиней (считая, конечно, и те 1600).

ПРОВОЖАЯ ГОД 1960 Е...

Год 1960-й! Много памятных событий принес он советским людям... Год запуска в межпланетное пространство советских космических кораблей. Еще один славный год советской семилетки. Год трудовых держаний. Год свершения самых сокровенных надежд и мыслей... Таким останется в памяти год 1960-й!

У каждого из советских людей, конечно, есть еще и личный счет сделанного и совершенного. Для одних это зодчества его руками и руками его друзей улицы. Для других — сотни сошедших с конвейера машин и тысячи деталей. Для третьих — его ученики, получившие специальность и смело шагнувшие на широкую дорогу жизни... Сколько профессий, столько и дел. Каждый, провокав 1960 год, мысленно подводит его итог. То завершено... Другое еще надо за-кончить... Третье только намечается...

Ровно год назад в № 24 журнала «Смена» за 1959 год редакция провела анкету, в которой различных людей нашей страны отвечали на вопрос, что ждут они от 1960 года. Год минул. И мы снова обращаемся к тем же людям. Что принес им 1960 год... Как свершились их планы и мечты? Об этом мы рассказываем сегодня в материалах под рубрикой «Провожая год 1960-й...».

Иван Родин — бригадир коммунистического труда из г. Германого. Олег Кубарев — бригадир бригады коммунистического труда Московского завода имени Владимира Ильина. Григорий Петров — помощник мастера Купавинской тонкосукойной фабрики Фаня Шилова — преподаватель мытищинской школы рабочей молодежи № 2. Анатолий Кильмезин — моряк и студент-заочник из Одессы. Пятеро прогрессивных советских людей. Они, как и все наши люди, рапортуют:

— Год 1960-й прошел успешно. Все, что было намечено, выполнено в срок!..

Алексей СМОЛЬНИКОВ

Век, в который нам родиться повезло

Черд, на жизнь мне предки даровали,
Восплеменная могл и дали руки
И подтолкнули ревности: иди!
Я исла троей, что протоптали Аеды,
Пил из колодезя, вырытых отцами,
Под крышей спал, сработавший в те годы,
Когда меня еще не знали руки
Той женщины, что материю мне стала.
Я молча к людям шел.
К тем людям, что явились на планету
Из городских домов или витязем,
Раньо безвестных или изб крестьянских
И стали современниками мне.
Эй, люди! Рыбаки и хлебопанщи,
Охотники, ученые, поэты,
Нам вместе жить отныне на планете,
Руду копать и сквиродать солому,
Стрелять зверей и тайны макрокосма
Исследовать, ракеты снаряжая,
И в будничном, немецком и счастливом
Труде своем вершить свои дела.
Веда срод придет, и нам, как нашим предкам,
Откер держать за наши с вами времи
Перед лицом супов своих и внуков
На той земле, что вместе ухранили
И — час пробьет — оставить им должны.
Он будет строгим, этот суд, потомков.
Нам слова не дадут для объяснений
(Среди живых не станет нас в то время),
И только вещи, сделанные нами,—
Машини, книги, здания, картины —
Свидетельствовать будут вместо нас.
Нас спросят: были ли среди вас Шекспиры,
Мичуринцы, Бетховены, Поповы,
Чем занимались ваши Толстой и Пушкин,
Что жили с вами в ваш ушедший век?
Велико, немеркнувшее время!
Ты помоли Прорестес и Гомеров,
И ты праучиша властво в наши руки

И кисть творца и автомат солдата,
И Жанна д'Арк християнский сеи меняет
На острый меч по звуку своему.
И глухота тот, кто был бы Шалынин,
И слепнет тот, кто с Рембрандтом бы спорил,
И в бледнадце холодном на соломе
В бреду предсмртном гаснет астронавт!
И наш поэт, влекомый пальчами
В рассвятый час по каминам Мойбита,
Идет на смерть, не доносит стrophы.
Эй, люди! Рыбаки и плаотогоры,
Творцы еще не созданных шедевров,
Все те, кто вышел нальче вместе с нами,
Чтобы отдать и молодо и щедро
Свой дар всем суцим людям на Земле!
Мы написали огненные книги
И песни, облетевшие планету,
И спутники пустили в небеса.
Как скок весенний, бродят, брызгают в сердце
Хмельная человеческая кровь!
Но ни руки, ни мысли нет покоя
В наш дерзкий век открытий и свершений,
Крьлатый век предструий и фантазий,
Тяжелый век больших тревог Земли.
Неужто иновы, когда кирки и русти
Мы взяли в наши руки вместо ружей
И прыжки страшной сечи заровняли
На огневой груди материков,
Когда мы ставили иновы к кузнечным горнам,
К рулям комбайнов, к синхроизофазотронам
И строим мир, достойный Человека.
Опять нам прерывать наш славный труд?
Ведь там, в седых таинственных глубинах
Всех тымы веков, прошедших над Землею,
Еще ни разу не было такого
Круглого, молодого, трудового,
Прекрасного в своих порыах века,
В который нам родиться повезло!

**ДВАДЦАТЬ
ЧЕТЫРЕ
И ОДНА**

Юра Симонов любит стихи. Когда он читает Есенина, глаза у девушки, слушающих его, становятся задумчивыми и грустными. Но больше стихов любят Юра математику. И физику. Когда проходили в классе теория колебаний, он принес из занятия собственноручно сделанный пружинный маятник. Назвать его проваачески «наглядным пособием» было как-то неудобно: с такой любовью и страстию был спроектирован прибор.

Есть у Юра закадычный друг, Борисей, тоже Юра. На Мытищинах подле искусственного водохранилища они обслуживают аппарат для очистки воды, готовят смолу для замачивального заменителя пропарки яловицы. Первый Юрий выходит на смену рабочему, второй подменяет его днем. И так пять недель наизобрат: второй выходит утром, первый — лицом. Но вечером оба отправляются на учебу. Только Симонову сделали — тут же, в Мытищах, а Борисеву надо еще в электричке трясти: он живет в Пушкине. И школа тоже там.

ЛИЦОМ К СОЛНЦУ

«В 1960 году вступят в строй последние жилые кварталы поселка, который мы сейчас строим. Наполнятся звонкими голосами маленьких детских садов и яслей, появятся первые товары в новом магазине. В генеральный план города Горького будет внесена Новопарковая улица. А мы уйдем на следующую стройку...»

Иван РОДИН

«Совсем недавно, проходя по зданию, я встретилась с моим учителем. Он недавно получил аттестат зрелости и теперь, перешедший преподавательской бригады, называется коммунистического труда. Для воспитания таких людей, ныне жаждущих счастья и есть привлечение педагогов.»

Фаня ШИЛОВА

Пришел как-то Симонов на работу, видит: здорово расстроены члены приятеля.

— Ты чего, Юрка?

— Да опять в школу опаздываю. Как в дневной выйду, пиши пропало.

На следующий день Симонов подошел и сказал:

— Помнишь, что обещали, когда решили звать энтузиаста коммунистического труда бороться? «Учиться на совесть». Ну, так слушай и не простишь! Я уже все написал и до конца учебного года будешь ты приходить в первую смену — утромчук! Ну, что, устраивает вас, товарищ Воробьев, такой парашют?

Устремляется... — растерянно сказал тот, но тут же спохватился: — Стой, Юрка, а ты как же?

— Мне-то легче. Как-нибудь успею и с дневной.

«Мне легче», — сказал тогда Юра Симонов, но на самом деле ему вовсе не легко. Через полчаса после работы — пять уроков в школе

ле. Когда занятий нет, вечера опять-таки заняты: Юрий воглавляет комсомольскую группу, а Юрий — комитетом.

Это один из учеников колледжа «Б» Мышкинской школы рабочей молодежи. Кроме крохотной бригадирской обязанности, надо знать еще, как корят людей в столовой и есть ли в бачках кипяченая вода. Надо тредить, выдавать хороших подмостей для каменщиков и участвовать в распределении квартир тем, кто выдвигает дома. На Новопарковой

КАКАЯ ОНА, НОВОПАРКОВКА?

Каждый раз, когда видишь новые кварталы домов, поднявшихся на пустыре, с удовольствием думаешь о сотнях людей, которые празднуют здесь свое новоселье. Какая же она, Новопарковка, улица в Горьком, построенная в 1960 году?

Год назад здесь сажали картошку. А теперь стоит многоугольных пятиэтажных домов, разбросанных кое-где. Одни облицованы, так что кажется: строгими вставками вместо стекол огромные зеркала. Прежде чем начать закладку фундаментов, сюда былоброшено двадцать тысяч кубометров земли, ровняющей участок...

— Двадцать тысяч кубометров земли, — повторяю я серьезную цифру, а сам думаю о людях, которые строили эту улицу...

КАЧЕСТВО

Батый костюм на высокой, поднятой на фигуре Ивана Родина, сидит несколько щегловато. Воротник гимнастёрки выглядывает из-под плеч, застегнутых на две пуговицы. Родин спущен в армии, потому что вернулся в Горький. Ведь здесь он окончил школу ФЗО, здесь начинил строить. После армии он возглавил комплексную бригаду, которая в этом году признана лучшей среди бригад строителей областной.

Иван проводит руки по небритым щекам и, словно извиняясь, говорит:

— Все некогда, понимаете, выбрали меня еще председателем постройкой, а это такая работа...

Такая работа... Это не то, что крохотная бригадирская обязанность, надо знать еще, как корят людей в столовой и есть ли в бачках кипяченая вода. Надо тредить, выдавать хороших подмостей для каменщиков и участвовать в распределении квартир тем, кто выдвигает дома. На Новопарковой

уже около восьмидесяти семей строителей получили квартиры. А сколько квартир мы построили для людей — целую улицу! Я считаю, что у нас добрая профессия, — замечает Родин. — Кстати, сегодня у нас приятное собрание будем говорить о переходе на семичасовую рабочий день...

У строителей появится еще один час свободного времени. Он им очень нужен. Ведь в той же бригаде Родина люди не только работают, но и учатся.

Дни насиживания до предела. Они, словно кирпичи, складываются в приступах стресса, и вот клянусь тебе, что скажет, что скоро покроется крышей прочно сработанное здание горы.

Прошел год. Чем он запомнится, этот 1960 год? Родин говорит об этом медленно, придринко откладываясь на пройденный путь:

— В этом году для меня самым главным было вступление в партию. И еще одно важное событие произошло у нас: бригада резко повысила качество кладки. Вы понимаете, как приятно сдевать работу высокого качества мы продолжим потом и с партограммой строительно-монтажного управления Виктором Саевом. Он тоже начинал жизнь после демобилизации каменщиком в бригаде Родина. Но вскоре Виктор избрался комсортом, а затем — партограммой строительно-монтажного управления.

Рабочие доверили Родину работу в постройке Коммунистического избрали Виктора своим секретарем. И пусть Виктор не работает сейчас в бригаде, но и ФЗО в бригаде, точно так же, как Родин. Родин. Пришел в сдвигнутой на затылок шапке. Посмотрел с воспоминанием на башенный кран и решил, что будет работать рядом с ним. Вскоре он уже овладел новой специальностью защищала и в обведенной перегородке наносил винты в кабину крана.

сидел, продумывая одновременное, что смына склоняла боязнь сбежки! Да и стоит ли это спрашивать? Ведь сидящие рядом ребята провели целый день прополы на работе.

Такие ученики в этом году у молодого преподавателя истории завуалированы Фани Фаниной Афанасьевны Шиловой. Двадцать четыре девятиклассника, двадцать четыре рабочих человека — вагоностроители, силикатники, химики, приборостроители, портные.

— Что хорошего, нового приносит мне шестидесятый год? — повторяет вопрос Фани Афанасьевны. Главное — это новые ученики. Мы их всегда рады, как садовник вырастает добрым саженцем. Первого сентября каждым из нас преподаватель школы рабочей молодежи встречает учеников в спортивном зале, где они сидят на скамейках.

Таких, как шифер Георгий Яковлев. Этого парня в осенний распутья послал в колхоз на уборку картофеля. Недели через две возвратился он в Мышкин. Сбросил заплешенные грязью сапоги, побородился — и в школу. Сразу в читальную: так и так, отстал, выручай. Разве такому откажешь? Занимались с ним и до уроков и в свободные дни.

Падают последние листки календаря, кончается шестидесятый. Но для учителя год еще не окончен. Для меня он завершится в тот весенний день шестидесят первого, когда в классном журнале девятого «Б» против каждой из двадцати четырех фамилий появится запись: «Переводится в следующий класс».

А. ШАКИН

Растет качество работы. Растут люди.

А в новые дома въезжают новые — те, ради кого строили эту улицу...

ПРЕМЕСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Вот один из этих новоселов: Мария Васильевна Гаранина — председатель родительского комитета на Новопарковой улице. Назвать ее бабушкой как-то неудобно, несмотря на то, что ей шестьдесят лет. Быстрая, оживленная, она говорит о футбольных и хоккейных командах, до которых обычно бабушкам нет никакого дела. А Мария Васильевна говорит о тренировках, бусах и соревнованиях, как профессиональный болельщик. Знает, где в каком месте. Ещё бы! Ведь речь идет о командах Новопарковой.

В своей уютной трехкомнатной квартире Мария Васильевна рассказывает о том, как мальчишки излали вдоль и поперек составы на детскую железной дороге, с какими восторгом глядили на все во время экскурсии на фабрику детской игрушки.

В руках у пожилой женщины план работы пионерского отряда при доме культуры. Решено дать концерт для строителей и для детского сада, сделать общий каток и горки для малышей, бирючие деревья и зеленящий балкон. Тут есть пункты, продиктованные жаждостью юности, — посетить все музеи в городе Горьком, и пункты, проникнутые доброй заботой, — сделать к 8 Марта подарки мамам. План подписан пионервожатой отряда Валей Какодиной. Комсомолка-семилетка и старая комсомолка-пенсионерка думали над тем, чтобы появился на Новопарковой улице пионерский отряд.

Я еще раз просматриваю план и за его короткими строками чувствую ту невидимую эстафету, которую мы называем преемственностью поколений.

ГРЯДКИ, КРОЛИКИ И СОЛНЦЕ

А теперь заглянем в детский сад, что в центре Новопарковой улицы. Архитекторы спланировали его так, чтобы солнце целый день не покидало детские комнаты. Строители бригады Ивана Родина постарались отдать их как можно лучше.

Руководят садом комсомолка Лидия Константинова Михнерова. Ее сокон недавно назначили ведущей: ведь и сам детский сад появился здесь недавно. Нужно суметь найти подход к воспитательницам, опыт которых и по

возрасту и по годам, записанным в трудовой книжке, во много раз больше, чем у Лиды. С первых же шагов она старается, чтобы то, чему ее учили в институте, не пропадало даром...

Очень тихо в детском саду, когда малыши спят. Лидия Константинова сидит в своем кабинете, поддергивая подбородок руками, и думает: старшины неплохо бы заняться огородом, а на участке посадить крыжовник, малину. Чтобы учащие группы были свое место, надо разгребать участок кустами акции.

Тонкая, в коричневом платье, она напоминает замечтавшуюся

школьницу. Действительно, мечтательница. За окном темнела, совершив на приступе блеск, для «прожекторов». В донце глины расплывается, как пишущая краска. Где тут рассуждать о посадках! Но Лидия Константинова отвернулась от окна и скомандовала себе строго: «Малышам нужна зелень...»

— Малышам нужна зелень, — объясняла она родителям, и родители поняли. Шарили грузински, родители вручали лопаты. Тридцать машин песка, вдвадцать машин чернозема привезли на участок. Вскоре на грядках заселили первые хвостики моркови и редиски, проклонились тонкие стебли бобов.

Ребята пололи грядки. По утрам самостийно поливали их из своих маленьких лейочек.

Потом в хозяйстве детского сада появились кролики. Пушистые крольчики, привезенные ребятам. Для них предлагали ими же сделанные края для кроликов для учили. Трогать за уши кролики разрешали, но от конфет отказывались. Воспитатели объясняли, чем кормить кроликов, и в комнатах у малышей появились ящики с зелеными побегами свеклы. Утром его подстригают, и малыши маленькими горсточками носят овес своим четвероногим друзьям...

В детских садах существует правило: во время групповых игр и чтения сажают детей так, чтобы они были лицом к солнцу. В детском саду на Новопарковой улице это правило понимают шире. Мне кажется, что здесь маленьких гражданчат жить красиво, солнечно.

...И вся эта улица, улица, построенная руками Ивана Родина и его друзей, показалась мне огромным садом, в котором и взрослые и маленькие люди — все помогают друг другу жить лицом к солнцу.

Фото В. Мишина.

ВЛ. БЕЛОВ

—Мо... Все мои планы, мечты связанны с ним... — так говорил в канун шестидесятого года матрос танкера «Григорий Бакунин», комсомолец Анатолий Килименчук.

И вот шестидесятый прошел. Как ты его прожил, Анатолий? Что нового, хорошего привнес тебе этот год? Такие вопросы хотели мы задать Килименчуку. Но попробуйте разыскать моряка в Одессе! Где он сейчас? Каучук или ее окраска волна в Индийском океане или плынет он мимо норвежских фьордов, держит курс на германскую Кубу или пробивается сквозь льды в южных широтах?

Как мы и ожидали, дома, на Пересыпи, Анатолий не оказался.

— Сынок сейчас в рейсе, — сказала нам его мать, Анна Степановна.

Все же в тот день нам повезло. Мы встретили Михаила Ивановича Григоря — хорошо известного среди одесских моряков, бывшего капитана теплохода «Феликс Дзержинский». В сорок втором его пароход «Фабричный» ходил с потешенными фонарями под именем Океан на Новороссийск в Камышловку, перевозя войсковые части, спарады медикаментов. В то время на «Фабричном» вместе с Григорием все служили старший механик Петр Васильчик Килименчук — отец нашего Толи.

— Да, пережили мы с Васильчиком немало, — воспоминает старый капитан, — настолько он моряк и специалист. А знаете, я не давно сынка его разыскал. Он несколько месяцев назад ко мне на «Феликс Дзержинский» мотористом пришел. Грамотный хло-

— НУ ВОТ И ЗАКОНЧИЛ НОВОПАРКОВУЮ УЛИЦУ. — УЛЬВАЙСЯ, — ГОВОРЯТ ЧЛЕНАМ СОВЕТОВ БРИГАДЫ ИВАН РОДИН (второй слева). — ПОРА ПРИСТУПАТЬ К СЛЕДУЩИМ...

В морях его дороги

«Море!.. Все мои планы и мечты связанны с ним... Жду старт в порту морским специалистом...». В 1960 году приступило к дипломной работе Олега Орлова — будущего морского инженера. Намечалось у меня и сидел в кабинете на первом этаже в Одессе девушка — студентка университета... В общем, он окончил свадьбу...

Анатолий КИЛИМЕНЧУК

пел. Такому судовому машину смело доверить можно. В рейсе частенько вижу, сидят Толя над книгами, пишут, чертят — готовятся к защите диплома. А ведь с тех пор, как избрали его ребята на экипажа заместителем секретаря комитета комсомола корабля, времена эти стали еще меньше.

Этот хороший ребята, знают ему вруччили «Почетному моряку морского флота» награду бывших, многоизымяемых моряков. Радуюсь я за старого друга: замечательный парень у него растет, потомственный моряк. В Одессе Григорий проводил отпуск, а его теплоход был в это время где-то у берегов Ближнего Востока, куда «Феликс Дзержинский» совершает регулярные рейсы.

И вот теплоход возвращается в родную Одессу. Он побывал в Лиепае, ОАР, Ираке, в знаменных портах мира. Идея Анатолия Килименчука не бузулька под звездами, привлеченные морозом, а лицо и ноги так дрожат, словно он только что снялся из ледяной Лапландии. Анатолий спешит. Только два дня стоят «Дзеркинский» в порту до нового рейса. Два дня на то, чтобы побывать дома, в своей маленькой семье. Два дня на то, чтобы сбегать в училище, поговорить с руководителем диплома, посидеть в учебной библиотеке.

Анатолий рассказывает, что ребята с «Дзеркинского» решили добиться звания экипажа морского корабля. И в обязательствах записано: каждому комсомольцу за год два получит среднее образование. Так, в этом году в школу пришли несколько десятков новых учеников — матросов с «Феликса Дзержинского».

Проходит шестидесятый. Через несколько дней мы уже будем говорить: «Это было в прошлом году». В прошлом году был новый теплоход и новые дружины, были бесконечные ночи над дипломом. Были бешеные скважины и бесконечные, трудные вахты во время сеансовых штурмов. Были удивительные встречи в кухнях портах, где советских моряков принимали как представителей страны мира. Была первая разлука со своей «мачехой» и радостная встреча с ней в родном порту.

В. КОСОНОГИЙ,
Е. ПЕЧЕННИК

РАНСКА СУХОВА

МАРИЯ БАБУШКИНА

АЛЛА ПЕТРАШ

РАНСКА ЕВИСКОВА

САША СУХОВА

ТОНИЯ БЕЛЛЕВА

«Высшего количества из числа отставших и добитых в 1960 году почетного звания Бригады коммунистического труда — вот и кему мы стремимся...»

Григорий ПЕТРОВ

Год назад пятый комплект ткацкой цеха Купавинской токсус-конной фабрики был в глубоком прорыве. Ткачики — в основном молодые работницы, недавно пришедшие в цех со школьной скамьи и не имевшие пока никакого опыта, — едва-едва выполняли сменные задания. Но, то и дело, под огнем технического контроля, поступали безжалостные, как сурьёзный приговор, оценки: брак, брак, брак...

В ту пору Григорий Петров, помощник мастера, коммунист, по-томственному ткач руко водил первым, одним из лучших комплектов фабрики — «бронебойными» коммунистами. Однажды смелый мастер Мазнов не то в шутку, не то всерьез предложил Петрову попробовать силы на пятом. Петров ответил ему сразу. Он-то хорошо знал, какую трудную задачу придется ему решать, согласясь он перейти на новый участок. Но, подумав, ответил:

— Попробуй, погоняй!

И вот прошло двадцать четыре часа. Мы сидим с Григорием Петровым в кабинете парткома. Я слушаю короткую историю о том, как пробовались силы и как шесть ткачих пятого комплекта начали работать по-новому...

Эта история начинается из самой смены, когда Григорий Петров впервые пришел на новый участок.

Он прошел туда вместе с Мазновым, и прежде всего решил выяснить, что за техника поступила отныне в его распоряжение. Его насторожили едва уловимые, но все же заметные для опытного человека перебои в частых и резких удачах батанов. Батан — это главный механизм ткацкого станка, он направляет чечет и прибывает утюгом к опушке ткани. От того, как отрегулирован батан, зависит и точность работы сложной машины, и качество вытканного сукна, и производительность.

Шесть ткачих, переходя от станка к станку, равнодушно поглядывали на нового мастера-батанера. И мы были все равно, кому подчиниться на комплекте.

— Батаны... — сказал Петров, вернувшись к Мазнову, но смелый мастер не расслышал — Батаны, говорю, надо регулировать! — крикнул он к Мазнову в самое ухо. — Не удивительно, что идет брак. С этого и начну!

Мазнов кивнул головой:
— Действуй!
Действовать пришлось энергично.

Каждый день, начиная смену, Петров брал в руки инструмент и принимался за станки. Но беспокоили его не одни лишь батаны... Надали требовали многие механизмы, а без точной наладки нечего было и думать о хорошем и ровном ткачестве.

Вместе с этой большой, трудной, кропотливой работой надо было вести другую, столь же важную, упорную и нелегкую. Петров, пришедший на пятый комплект с первого, передового, где был опытный, дружный коллектива, сразу же почувствовал ткачих на новом участке: работают без огнями, без горючего...

Как-то раз после смены он заговорил с ними о трудовой дисциплине. Никаких речей он не произносил, он просто сказал, что убегать от станков к подружкам, во время работы не самый верный способ избавиться от брака, а обматывать станки от линий, не возвращаясь до конца смены, не поможет даже при этом фрикционном механизме — по меньшей мере рискованно хотя бы с точки зрения безопасности...

Ткачихи поняли, на что намекал помощник мастера, и чисто не хотели заявлять:

— Работаем, как можем!
— Неправда... — спокойно сказал Петров. — Можно работать куда лучше! — повторил. — Можно было бы жаловаться...

А мы отстанем. Где уж нам угнаться за передовыми! — помахала плащами Раиса Сухова, молодая ткачиха, которая в то время, откровенно говоря, даже и не стремилась до этого уровня...

— Значит, не хотите — так же спокойно проговорила помощник мастера:

— Дело не только в станках. Станки наладим. Обещаю. А есть ли желание?

К этому разговору Петров возращался не раз. Он использовал любой случай, чтобы, проговорив с Мазновым, вернуться к Раисе Суховой, с кем-либо из других рабочих. Короткие беседы не проходили бесследно. Слова бригадира — никогда ободряющие, а иногда и обидные — запоминались; западали в душу, заставляли думать не о себе лично, но и о товарищах, о всем коллективе. К тому же Петров сдерживал обещание: он отрегулировал все восемнадцать батанов, наладил все

восемнадцать станков — и тут уж действительно надо было прямо и честно ответить на вопрос: «А есть ли желание?»

Оказалось, желание было. И началась перегон в настроении, в отношении к своим возможностям, к делу, к обязанностям. Постепенно, исчезло равнодушие, а рабочие баталы отрабатывали положенные нормы... А Раиса Сухова вместе с подругой Аллой Петраш поступила в вечерний текстильный техникум: если уж рваняться во всем! Бригада, обычно к концу месяца едва сводившая концы с концами, начала давать сто один, сто два, сто три процента от нормы... Широкий круг обслуживавших шесть «тройок» — восемнадцать станков, можно было поздравить с первыми большими успехами, потому что в ткацком деле каждый процент — это много, он дается с трудом, подобно тому, как с огромным трудом завоевывает спринтер каждую дополнительную. Пятый комплект, увидевший выполнение передовых, если у Петрова спрашивали имена лучших, они, не задумываясь, называли ткачих Беллеву, Сухову, Бабушкину, — зрядчицу Валю Зайцеву...

...И вот прошло двадцать четыре часа, наполненные упорным трудом, стремлением обрести опыт, овладеть навыками, наполненные борьбой всего коллектива за звание коммунистического коллектива. Я слушаю неторопливый рассказ Григория Петрова, помощника мастера, по-томственного ткача, коммуниста.

А пока он рассказывает, с лица его не сходит выражение озабоченности. Нет, он не считает, что сделал все, что мог. Сто четыре процента — это не предел. Надо дратиться за каждого, надо смотреть вперед. Надо учиться...

И все-таки главное сделано. Нет больше отстающих пятого. На шести «тройках» работает шесть отличных ткачих.

Н. ВАСИЛЬЕВ

Фото автора.

**Шесть «ТРОЕК»
Шесть отличниц.**

«Нелегким был прошедший год. Но разве это не так? из нас искало легкое жилье. Нет, не искало в наступающем году нас ждет повышенная дорожка... Наша бригада со всеми силами идет к дальним присоединениям. Будем и в 1960 году упорно трудиться, разрывать старые привычки, старые, продолжать учить, воспитывать из сея лучшим качества человека будущего...»

Олег КУБАРЕВ

Слышишь, Володька? Не подписывай!

Декабрь 1959-го — декабрь 1960-го... Год в нашей жизни — сплошной: сколько событий, важных, ярких и волнующих, наполнило минувшие месяцы!

Тогда бригада ся в жизни человека... Для Олега Кубарева, бригадира бригады коммунистического труда Электромеханического завода имени Владимира Ильина, подвигший под был наполнен творческой энергией, а также любовью к ставшему тогда основным был труд за письменным столом, в этической уютной комнате.

В этом году бригада Кубарева добилась новых успехов. Каждый месяц она первая в своем цехе, а иногда и в цехах других предприятий несколько разнонаправленных отраслей, те, кто учится, перешли в следующий класс, на следующий курс.

Сам бригадир гордился, что не только редком, но и первым. Сын Олега Кубарева появился в заводской многограннике, в журнале «Искусство кино». Издательство «Московский рабочий» выпустило его брошюру «Новости завода имени Свердлова».

Несмотря на то что вспомнили тогда Олег Кубарев вместе со своим товарищем Леонидом Енотовым закончил работу над киносериалом «Мы ищем счастье». В нем показаны трудовые будни московских строителей. Потом Олег Кубарев с этого киносериала мы предлагаем сегодня вниманию наших читателей.

...Масленников был забешден:

— Что это такое, бригадир? Почему программа горит?

Владимир Поликов удивленно посмотрел на начальника участка.

— Как горит? Мы на сто процентов выполнили...

Масленников усмехнулся.

— Сто двадцать! Кому они нужны?! Мы никогда меньше двадцати не давали.

— Вы что, забыли? — сердито проговорил Поликов. — Бригада ведь целую неделю работала на стекне, которую нам авансом за крыли!

Масленников метнул на бригадира короткий взгляд и тихо сказал:

— Да, прости, я и, верно, забыл... — Он вздохнул, тон его голоса слова стала дрожью. — Вот какое дело, понимаешь... Твой бригада — главная я на нее участке... Что подумают в управлении? И так в газете уже писали, а теперь с планом такая нетрудка...

Масленников вышел из-за стола, прошелся по тесной конторке, потом решительно подошел к бригадиру и сказал:

— Ладно, — так звуком в этом месце наряд, ну... на двести процентов... Нет, мало, покалуй, будет... Или ладно, пускай двести... Или скороговоркой... — А в следующем отработаете. И все будет в норме.

Он спокойно взял со стола уже приготовленный наряд и протянул его бригадиру.

— Подпиши.

Поликов покачал головой.

— Ты что? — спросил Масленников.

— Не буду подписывать.

— Как не будешь? — Масленников был искренне удивлен. Ему и в голову не приходило, что Поликов

может не согласиться. — Ты что хочешь, чтобы на нас пальмы в управлении пахаливали: вон, мал, работники! Тебе честь участка не дорога?

— Дорога.

— Так в чем же дело? Подпирайся!

— Сказаи, не буду. Не хочу никого обманывать.

Масленников всхлипнул, но, взял себя в руки, сел за стол.

— А что бригада скажет? — сказал он. — Ты думашь: вот, мол, Масленников за глаза горится, государьство обманывает... Нет, дрогот. Масленников за людей страдает. А ты романтик!

В блоках втихом, Поликов...

Подожди, не перебивай! Я знаю,

чему вас там в школе учили: не обмань и все такое прочее.

— А ты бригада! Ты знаешь, что тебе хочется, но и черт с тобой!

А люди твои так на это посмотрят? Ты знаешь, на

сколько они меняются?

Погнувшись головой, Поликов стоял перед столом и мая в руках машины. Последние слова начальника, как видно, смущили его...

И это не ускользнуло от взгляда начальника.

— Ладно, — проговорил он устало. — Не хочешь — не подписывай. В конце концов, мне что? Для вас же стараюсь.

Поликов взял ручку, посмотрел на него. Масленников отвернулся, сделав вид, что все остальное его мало волнует. Но когда бригадир поступился и перелизил, невольно посмотрел на Поликова и усмехнулся изобретательно:

— Поликов вымыслился.

Хорошо, — сказал он, кладя ручку на стол. — Я поговорю с ребятами.

И, резко повернувшись, пошел из конторки.

...Вся бригада Поликова собралась в раздевалке. Сидели на скамейках, табуретках, на подоконнике. Один из парней явно мешал рукой костяшки, домино, разбросанные по столу.

Говорила одна из девушек, Вера:

— Правильно! Ведь мы коммунистическая бригада... никаких обманов — я так считаю.

Прищурила глаза, Поликов смотрел на ребят и слушал... Потом начал говорить:

— Да... — неуверенно произнес Славка Носов. — А я-то хотел предложить откладывать рублей трижды в бригадный фонд!.. На случай рождения или в театр сходить...

Он взглянул на бригадира, но бригадир молчал. Тенер он опустил взгляд, и трудно было поять, осуждает он Славку за непреподобность или нет.

И снова сердито заговорила Вера.

— Я не понимаю, о чем еще думать? Да если мы сегодня согласимся — гропи нам дена! А разве мы сумеем в следующем месяце дать двести да еще эти деньги? Так и потягнется хвост из квартала в квартал... Да неужели мы не обходимся один месяц? Ребята, а? Никаких авансов!

Закура недовольно покачал головой: эти речи ему явно не нравились. Он поднялся с места и резко махнул рукой.

— Вы как хотите, можете на чернику с водой переходите, я не желаю. Залезали: гропи, цыплята, курица, куриные яйца в котел на бригаду, в которой ни шаша не забралась! — Он покрыл курику себя на скамейке, отсыпав рукачицы. — Тоже мне идеальные наливайки!

— Как тебе не стыдно! — гневно крикнула Вера.

А бригадир молчал, все так же не поднимая головы. Казалось, его совершенно не волновал этот спор. Он устал.

— Правильно, Закура! — сказал Серокиншин. — У нас еще не коммюницировано.

Поликов вскинул голову.

— Значит, можно неизработанные деньги получить?

Серокиншин промолчал, повернулся спиной и бригадиру и направился к выходу.

— Да ты, ребята? — вскинув брови, поднялся с места Славка Носов. — Сбесились, что ли?

— Ладно, заткнись... — оборвал его Закура. — Тебе хорошо: ты в общежитии живешь, сам себе король. А у меня мати! Принеси ей на три сотни меньше...

— А ты, черт побери, не будешь!

И только слышали были тяжелы шаги: от дверей, направляясь к Закуре, шел Серокиншин. Закура отступила на шаг и сел на скамейку.

— Насчет матери ты помолчи! — сквозь зубы проговорил Серокиншин. — А то я расскажу ребятам, как ты у нее последнюю полстопку по водке отбрасывал... Ох моих веди глазах было!

Он повернулся на водке... — Ох моих веди глазах было!

— Я, может, и не смогу

такое сказать, но Верка...

— Ох моих веди глазах было!

— Не подписывай, что ничего!

— Пускай этот Масленников не финит!

— Вот так.

О. КУБАРЕВ,
Л. ЕНОТОВ

ОЛЕГ ЩЕРБАНОВСКИЙ
РАССКАЗ

Когда начинались зимние заносы, дорога на деревню Кудринской надолго закрывалась. Грузовые машины не рисковали брать подъемы, спуски и головоружительные повороты — того и гляди курицы кинутся в пропас, взвесив крылья. Прахохлеща иногда лишь Женя, щобер перекинув на колесах. И если моты хотят, хоть раз в месяц посыпать на отыхе в посеке стронголей, то зимой они месчанки даже не получали газет. А тут еще на беду в приемнике «Родина» перегорела лампа, и связь с внешним миром оборвалась.

В труге тайту шумела грозным морским прибоем, и казалось, что землю — одинокий корабль, который мчится вперед в неизведанную волю, обтекаемый буриными волнами. Стены визгидали под напором ветра, разрывались морозные окна, двери скрипели, печные трубы виселись на стражах и уильые мелодии.

Но все же такая погода привлекла Анатолию Скликину больше,

А к Скаликину не обращались. Разве лишь по делу. И когда он выходил на скрипучий снег в черный провал ночи, где над проездом лежало покрытие из ледяной рекой, казалось, и лес был в стороне с ними. Лес был испорченный, лес молчал... И Толя Скаликин мрачно думал: «Не прикажись. Придется поворачивать оглоблы. Просить в кадре о переводе».

Лишь этим летом Скаликин окончил техникум и получил назначение в стройктор, который вел сквозь тающие дебри трассу и ставил фундаменты под высоковольтную линию электропередачи. Антонюша мечтал о тайге, о романтике, мечтал о подвиге, представляя себе отважных следопытом. Даже курил ружье. Но подвиг совершился было некогда. Его посыпало снегом, и Толя Скаликин разбрелился с портфелем и парашютами, только и всего. И вдруг после трех месяцев нудной канцелярской работы назначили мастером самого дальнего, в полутораста километров от базы, участка на перевале Кудрявого. Его, небольшого, щупленького юношу восемнадцати лет, с пушком над губой и на подбородке, в очках, — и вдруг мастером! Да еще участка в составе четырех бригад опытных, за каменные тяжелких, из тех, что прошли, врубясь просекой, не одну сотню метров, кто укладывал в них кружево из деревьев, комбинированных ломбов в скальном грунте катоговани и ставил на кругах вершинках бетонные фундаменты! Скаликин рабко занялся начальнику отдала кардом, что у него нет еще опыта, но тот отрезал:

— Научишься! Не бояги горшки обжигают.

Скаликину пришло в голову честное сравнение: так обучаются плавать щенят. Попросту бросают в воду. Выпадает — научился, утонет — значит, не научился. И вот он принял свою бригаду у перевала, — прекратив широким криком: «Всем вперед!»

Но у Толи на душе было неспокойно: он чувствовал, что не готов к такому с людьми. Он склонялся бригадир, например, такого задирского, как Иван Кутярка. Чем бы ни говорила молодой мастер, они послушали по-своему, привыкли к тому, как это делалось.

И всякий раз Медишин, отталкивая разబравшуюся Кляксу, спрашивал:

— А из скользь букв?

— Из пяти, четвертью «о»...

Больше всего жалели, что умоляют примики.

— А может, контракт потерялся? — спрашивала Кутярка и шумно вздохнула. — Или с батареями что...

— Попробуй их языкком, — советовала Чегонова.

И наше схему посмотреть.

Каргин отвечал:

— Все давно ясно. Я проверяю. Сгорела прожектор «Б15С». Не вспыхнет? Погаси. Ах, телепатается внутрь.

— Хоть бы музыку послушали, что ли!

— Что музук? Главное — известие. Ветер тебе болы сырьгает на печной трубе, вальс «Не тини меня из-под теплого одеяла»...

— Не знаю, что получится, первый раз со словами.

Скаликин знал, что каждая бригада заключает продукты в складчины на общий котел. Ушел прогулиться.

Вернулся позже и поужинав тем, что оставил у него в рожаке. Его посыпало жаждым. Решено,

что он отдастись, чтобы съесть свое лакомство.

Хуло всего было, что Скаликин просыпал трусом. И случилось это из-за того, что он нечаянно

Рисунок В. Никурова.

НА ПЕРЕВАЛЕ КУДРЯВОМ

чем снежной безмолвие. В тихие морозные дни лес стоял недвижим и мрачным среди гребней белых сугробов и снегов!

Скаликину в зимние на Кудрявом перевале было одиноко, хотя в разогрженном на две половины домике помещались две бригады. Вечерами при свете закопченной керосиновой лампы, бросавшей сквозь разтурбленную стекла светлый круг на потолок, в комнате шумели, пели, смеялись, разговаривали ребята. Но к Скаликину они не обращались. Он, блондурко щурясь, читал в углу книжку или делал записи в блокнот. Сам бригадир — Кутярка — иногда вдома, как будто на столе стоял огромным куличником, что пламя стоящей на полке лампы прятало давним именем. Тень его большого носа вытягивалась на стене, как вороний клюв. Медишин, сидя на корточках, играл с черной куклой собачкой Кляксой. Она действительно походила на небрежный чернильный рисунок первом или размызенной кляксой. Хасан Тапсов сидел на верхней койке, сверкал карими жгучими глазами

и склонил широкое смуглого лицо к гармошке, разумнев, постоянно ошибаясь, «Подмосковные вечера».

Картин в полосатой тельняшке, откладывая со лба чуб, чинил появившийся комбайнер. Лишь год назад он пришел со службы на флоте и по фотографии примечательно смотрелся. Но в сорока сороках, в сорока сороках, в сорока сороках, а за отворотом треуха — искруку с ниткой. У двоих нам три были прикончены над койками фотокарточки с девичьими лицами. Рассказывали друг другу случаи из жизни, о своих любимых девушках, о том, где и как по встречались, познакомились...

— Не знаешь, где найдешь, где потерешь... Увидел в автобусе: «Переайди на блестя!» Справился: «В стройктор?» «Да...» «На работе?» «Да. Получила назначение...»

— А мы еще со школы знакомы, с самоцветами...

Чегонов каждый вечер брал со стола старый, затрепанный номер «Столы» и ёршил волосы над кроссовром, в котором неизвестный предшественник оставил три

неразгаданных слова. И говорил всякий раз вслух:

— Что это за горная порода на «Красном»? — спросил избалованного и галки-жаринки?

И всякий раз Медишин, отталкивая разబравшуюся Кляксу, спрашивал:

— А из скользь букв?

— Из пяти, четвертью «о»...

Больше всего жалели, что умоляют примики.

— А может, контракт потерялся? — спрашивала Кутярка и шумно вздохнула. — Или с батареями что...

— Попробуй их языкком, — советовала Чегонова.

И наше схему посмотреть.

Каргин отвечал:

— Все давно ясно. Я проверяю. Сгорела прожектор «Б15С». Не вспыхнет? Погаси. Ах, телепатается внутрь.

— Хоть бы музыку послушали, что ли!

— Что музук? Главное — известие. Ветер тебе болы сырьгает на печной трубе, вальс «Не тини меня из-под теплого одеяла»...

разбила очки. Ходил шуряясь, наряжал вышиванку, низко склоняясь над столом. Однажды Анатолий поднимался на горный склон, чтобы замерить глубину новой котловины. Стало ясно, что он ушел из бригады. Столицами ему синистр, кричат. Бригадир всплывал из двери вагонетки узнатый. Сказали вернулся узнать, в чем дело.

— Там же медведь в лощине бродил! — закричали ему хором. — Едва не столкнулся ты с ним нас к ногам!

Вообще о медведях в бригадах рассказывали много всяких историй: о штутиках, которые не ложатся на спичку и покидают берлогу и ходят по тайге, о том, как они снимают склы с охотника. После этого Скаликин стал осторожным. И как-то случилось ему видеть в чащобе медведя,ставшего на дыбы. Скаликин бросился бегом, а медведь убежал, подпрыгивая для финального, подскакиваючи руки, рассек брови, запих ногу. Запыхавшийся и припадая на ногу, прибежал он к ближнему вагончику с криком: «Медведь!» Ребята склоняли ружья и гурийски кинулись за Толем. Но поиски были напрасны, медведь не напал, не наехал ни где и следа. И Скаликин едва не спорел от стыда, когда выяснилось, что за медведя он принял обгоревшую колоду. Конечно, над Анатолием тогда посыпалась, но хуже было, что это было не случайное явление. Там рождалась стихия дикого разума. И ничего не было познать, хотя трудности Скаликина перенесены на всеми. Начались морозы, и работать стало особенно тяжело. Земля под котлованами оттаявала кострами. Бревна на гребни таскали на плечах. В зимовье от ближнего взыска скользкого грунта вышибло стекла. Помесница пришла снять при ледяном сквозняке.

Двадцать пятого декабря, как обычно, закрывали наряды за месец. Утром из треста приехали на «газике» Женя с нормировщикшей Лидой Востrikовой. Попутные привезли газеты. Это было большое событие.

Скаликин вооружился счетами и засел с Лидой за арифметику. По одному вызывали бригадиров, подсчитывали зарплаты и процент выплаты норм.

Лида передала Скаликину, что его вызывали в райком комсомола для вручения членского билета. Надо было ехать в райцентр. Толя рассчитывала также достать новые очки...

За обедом только и было разговора, что для празднования Нового года.

Нам, братцы, остается в тайгу выйти и устроить хороший, водолазы! — говорил Каргин, подложивший полотенце вместо фартука, — он дежуря на кухне.

— Во-во, выберем самую большую, разрушенную снегом и со скульпками! — подхватил Танюк.

— Хоть бы ради говорило, и то веселее! — Медицина кинула на стоявший на полке замысловатый приемник. — Вот он, немой...

Бригадир сказал:

— Обычно вспоминают тех, кто в море, кто в воздухе, кто в путях, а про тех, кто в тайге, как на необитаемом острове, про тех не помнят...

Пока Скаликин подписывал наряды, собирали свой рюкзак, давал бригадам задания, вокруг шли разговоры:

— Эх, есть же везучие люди!

Праздник для них — праздник. — Да, попад бы я в райцентр!.. Я бы вам к празднику чи-нибудь прихватил.

Самые главные лампы были эту, как говорят, «бис», — и сразу — и в час в гости в город пришли и Москва, и Япония, и Австралия... Сидишь себе в тайге, у черта на куличках, какими тымы и пурги, а тебе весь мир в зигмовые. Музыка, песни...

— Будет время — в такие дебри станут на вертолетах летать. Может, ждет, товарищ Каргин, в оперу сегодня желаете? Пожалуйста, на борт!

Скаликин сказал, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— К празднику вернусь. Если у меня какие поручения — пропусти.

К нему никто не подошел. Он видел по лицам: не верят, что вернется. Чегодар улыбнулся, блеснув металлическими зубами:

— Ребята, ждите к празднику чуда!

— Женин «газик» сюда уж верхнему не придет.

— Куда там! Еще к нам добрався. А заплутал — и вонс хода нет.

— Ну, на своих на двоих можно добрыться! На лесовоз до леспромхозской базы, а оттуда пешкордом.

— Ого! Двадцать пять километров через сонки! Ненормальным надо быть, чтобы пойти.

— Конечно, не всякий на это способен. Двадцать пять — это напрямую, тропой, а по дороге — большие километры.

Тогда Толя, рядом с шефером, Машиной, звягкой цепями, занялась Путь и в самом деле была немерким. На руки на скользком косогоре машину занесло боком, и задние колеса остановились над самым обрывом. Внизу в распадке виднелись щелтища леса и деревянная живяка ручьи. Шефер и Толя переглянулись и посмотрели на спокойно сидевшую Лиду. Понапачу она не заметила грозившей опасности. Заслабилась, увидев наклонение под дорогой огромными старые кедры, сухие, обломанные ветви. Спросила, не могут ли они обогнуться. Шефер ответил, что деревни умирают от сюда. Лида вздрогнула.

— Но я знаю, что они делаются после смерти!

Иногда Женя тормозила так резко, что по инерции швыряла вперед, и тело наливалось свинцовой тяжестью. С перевала спускался по спиралям. Внизине было теплее, как будто наступила оттепель или близилась весна.

На другой день Толя был уже в районе. Он побывал в районном комсомоле. Потом с боями, прорывом подпора в аптеке подковырял дырку очки, надел их и сразу почувствовал свою бедоре и уверенность. Потом ходил по магазинам, накупив новых книг, фотографий и для каждого из ребят какой-нибудь подарок: пакету бритвенных лезней, набор открыток, самоучитель для бани, цветные карандаши... Промтоварные книжки на краю поселка он нашел и нужную для приемника лампу. Эта лампа работала его волшебно, и он думал с уальбой, как будут удивлены и довольны ребята на Кудрином перевале. Когда рюкзак оказался набитым до отказа, Скаликин пустился в обратный путь. От райцентра до леспромхоза ехал автобусом, оттавшая дыханием кружок на замерзшем окне, до лесной базы — в кузове лесовоз-

ной машины, прячась за кабиной от ветра и согревая себя мыслью о сюрпризе, который он везет ребятам. Конечно, он мог бы остаться на празднике в троицкости, куда отговаривали. Мог бы, но не мог. На Кудрином базе, может быть, споры, напущены размозжющие, раскисшие спички...

Чувствовать пришло на лесобазе, на полу, возле расстrelившей печи, пахнувшей известью и сажей. Ночью разразилась пурга. Утром чуть поутяжало. Скаликин спрятался в карамай. Варежку с левой руки он потерял. Иногда он что-то выкрикивал, вытирая рукой невольные слезы и вдруг ловил себя на том, что бредит Москвой! Ну, настыреши скрипка... И шевелилась теплая мысль: «Дядя Толя!»

Была вечность, был черный, враждебный лес, был снег, колючие, как иглы, звезды — и больше ничего. Наверное, небо предвещало зарю — его край чуть побледнел.

И вдруг слуху до слуха Скаликина до несся собачий лай. Знакомый лай. «Калкия, Калкия!» — позвал Толя одеревеневшими губами.

У дверей зимовки он упал и почувствовал, как Калкия, повизгивая, лижет его горячим и шершавым языком прямо в лицо. Открылась дверь, встали люди, и чьи-то руки сняли с плача рюкзак с обвороженной одноглазкой. А он тоже смог сказать:

— Там лампа... да приемника...

А потом база прорвалась в память. Он лежал на койке, тепло укрываясь двумя одеялами. За них уживались, как добрые и низким. Подносчики то вешали с супом, то кисель из ягод лимонника, то пили малину. И чудилось Скаликину, что волами поднимается волоки края, колышет на этих радужных волах. Во сне или наяву видел он, как светится школа «Родины» и на обогреватель печи ложася круглые пятна света из отверстий зажигалок. Хрипло прися на птиц и спрашивал с долблой умбкой:

— Значит, поставляла лампу? А я саму: работает радио... Музыка-то... Самыша и догадался: значит, порядок...

— Всююю работает! — отвечал Куттермы, поднося к его губам чашку.

Медицин хлопнул дверью. В руке он высоко держал убитого рыбачка и говорил прыгавшей Калкие:

— Да отъешься ты, подай! Это не тебя, а нашему мастеру.

Чегодар взялся опипывать рыбачка.

— Сейчас и булон будет. Как в лучшем ресторане.

Но Толю беспокоило, что исчезла музыка. Он все просил включить приемник, спрашивая, почему выключили.

— Да эти мы, чтобы тебя не беспокоить... — отвечали ему.

Он настойчиво повторял свою просьбу, а Танюков говорил:

— Давай лучше и тебе на гармошке сыграю. Не хочешь? Ну, давай и подожди минутку. Почему нет?

Он отступил шага.

— Да их Мишка Каргинович. Помсторы. Польский порядок. Байдычи, стекло на пять кусков раскололось. А он сбросил скамью кедровой смолой, высунул. Иши ты, лучше новых!

Вокруг койки толпились ребята,

переворз руку о лед. Хуже ничего нельзя было придумать. Вымыли из сапог воды. Мелькала мысль: разжечь костер и обогнаться. Он присядел сидеть на карамайе линзу коры с падуба. Сунул в карман линзку руку, напущенную размозживающую спички...

Толи крикнула два раза, и безответный его голос разстилался эхом. Но Скаликин не сдавался. Он шел Меденино, упорно. Пада. Ссады руки и колени. Треснуло стекло счиков, и они пришли спрятаться в карамай. Варежку с левой руки он потерял. Иногда он что-то выкрикивал, вытирая рукой невольные слезы и вдруг ловил себя на том, что бредит Москвой! Ну, настыреши скрипка... И шевелилась теплая мысль: «Дядя Толя!»

Была вечность, был черный, враждебный лес, был снег, колючие, как иглы, звезды — и больше ничего. Наверное, небо предвещало зарю — его край чуть побледнел.

И вдруг слуху до слуха Скаликина до несся собачий лай. Знакомый лай. «Калкия, Калкия!» — позвал Толя одеревеневшими губами.

У дверей зимовки он упал и почувствовал, как Калкия, повизгивая, лижет его горячим и шершавым языком прямо в лицо. Открылась дверь, встали люди, и чьи-то руки сняли с плача рюкзак с обвороженной одноглазкой. А он тоже смог сказать:

— Там лампа... да приемника...

А потом база прорвалась в память. Он лежал на койке, тепло укрываясь двумя одеялами. За них уживались, как добрые и низким. Подносчики то вешали с супом, то кисель из ягод лимонника, то пили малину. И чудилось Скаликину, что волами поднимается волоки края, колышет на этих радужных волах. Во сне или наяву видел он, как светится школа «Родины» и на обогреватель печи ложася круглые пятна света из отверстий зажигалок. Хрипло прися на птиц и спрашивал с долблой умбкой:

— Значит, поставляла лампу?

А я саму: работает радио... Музыка-то... Самыша и догадался: значит, порядок...

— Всююю работает! — отвечал Куттермы, поднося к его губам чашку.

Медицин хлопнул дверью. В руке он высоко держал убитого рыбачка и говорил прыгавшей Калкие:

— Да отъешься ты, подай! Это не тебя, а нашему мастеру.

Чегодар взялся опипывать рыбачка.

— Сейчас и булон будет. Как в лучшем ресторане.

Но Толю беспокоило, что исчезла музыка. Он все просил включить приемник, спрашивая, почему выключили.

— Да эти мы, чтобы тебя не беспокоить... — отвечали ему.

Он настойчиво повторял свою просьбу, а Танюков говорил:

— Давай лучше и тебе на гармошке сыграю. Не хочешь? Ну, давай и подожди минутку. Почему нет?

Он отступил шага.

— Да их Мишка Каргинович. Помсторы. Польский порядок. Байдычи, стекло на пять кусков раскололось. А он сбросил скамью кедровой смолой, высунул.

Иши ты, лучше новых!

Вокруг койки толпились ребята,

пришли и из других бригад. С грубо-ватой мужской лаской спрашивали о самочувствии, о том, как он решился идти на перевал, где провалился в речку, пожимали ему руку.

Он опять попросил:

— Включите радио... Я совсем немного слышал музыки... И по-тромпнулся.

Кутерма и Каргин переглянулись, поклоняясь плечами. Бригадир смущенно почесал затылок, потерявший дарильный нос, вздохнул, покачав головой:

— Мы, понимаешь, сегодня с Мишкой Карганиным... В общем, нечаянно разбили лампу... Понимаешь, стала притирать пыль и... тогого, кокнули. Как это получилось, Мишке?

Скалякин отвернулся на полуночке, закрыл глаза, по его запавшей щеке скатилась слеза:

— Эх, вы, растяпы! — сказал он. «Растяпы» виновато молчали.

Чегодьев сказал:

— Это все чепуха, лучше будь-ону съешь Наваристый, вроде золотые монеты по нему плавают.

Скалякин не хотел будить. Но когда Чегодьев начал, он окончно по достоинству бульзил из рабочика с привкусом брускини.

На другой день к вечеру, в канун Нового года, Скалякин почувствовал себя крепче, повеселел и поднялся. Ребята повисоду наводили порядок. Медишин брилек перед осколком зеркала. Каргин прививал пурпурную краску на колоджанах, пытаясь придать им вид кедровых шишечек, сверкающих слезинками смолы.

Новый год встречали с песнями и своей музыкой. Танцов, сверкая масляными глазами, играл на гармошке «Подмосковные вечера» — выучил-таки песню. В печке трещали смолистые дрова. Каргин на-жарил воздушных, хрустящих оладий, хотя перенапачкался в муке и вывозил ладони из-под колпака. Вместе выпили чай, густо заваренный чай — березовым грибом, который, по словам бригадира, «пломенил от всего». Чата пахла уксусом, пчелиным воском, будила воспоминания о лете и цветах. Все чокались с Толей Скалякиным. Его принимали в свою семью. Иван Кутерма, поднимая тост, сказал:

— Саша, Толя, пора раскрыть секрет. Сказать тебе по-правде, лампу-то ты по дороге всю как есть раздробил, понима? Одни осколки да цоколь нашли в рожке...

Говорили о тех, кто в море, кто в пути и в тайге. Медишин скакал:

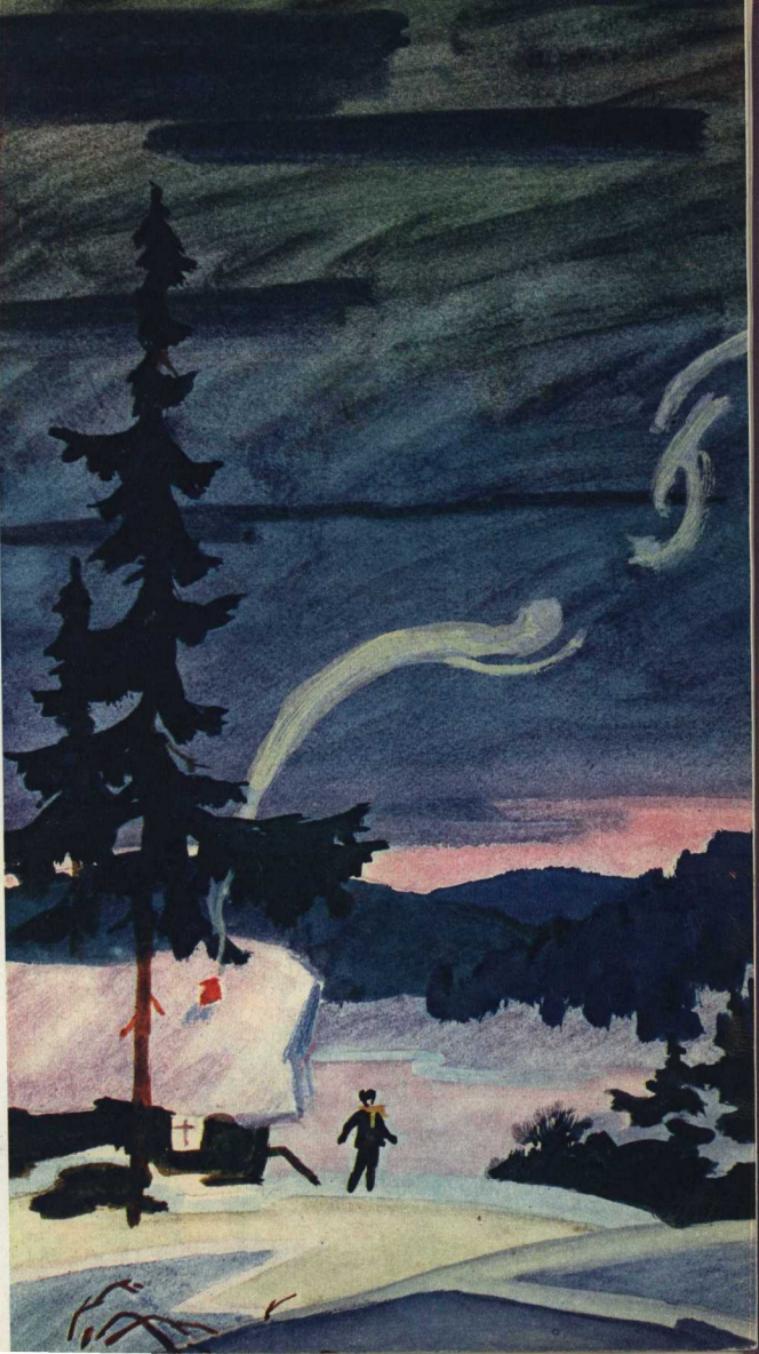
— Пустят нашу линию, пойдет через тайгу ток. Поселки, города построятся. Геодезисты-то начали здесь в сопках. Будет промышленность, рабочий. Так работай? Ну, и кто здесь будет жить, о нас вспомнит. Скажешь, подвиг... Может быть такое быть?

Все дружно засмеялись.

— Тоже еще выдумашь, — сказал Каргин. — Вот на море, там действительно...

Ночью Толя вышел из земловой. Вдохнуло тело, замерзшее. Морозные яблоки замерзли тысячами звезд. Лес морозил. Но это было совсем новая тишина. Мир замер чутко, насторожено. Его окутывало торжественное, непостижимо огромное молчание, как будто в ожидании чего-то прихода.

На землю пришел Новый год. Пришел он и на перевал Кудрявый, к парням, которые были что надо...

По почину молодёжи Украины комсомол взял шефство над внедрением самых прогрессивных методов сварки.

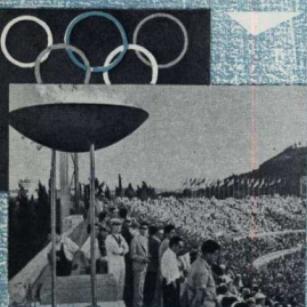
СОВЕТСКАЯ МОЛОДЁЖЬ 1960

На два года раньше намеченного по плану срока вступила в строй Кременчугская ГЭС.

Древний Рим стал свидетелем незадавленного триумфа советского спорта на XVII летних Олимпийских играх.

Кубок Европы — достойный приз советским футболистам за их дружинную и результативную игру в прошлом сезоне.

Удачно дебютировали в фильме «Баллада о солдате» молчальные артисты Н. Тарасова и В. Борисова. Это заслуженная гимноВестя удостоена премий на международных фестивалях в Каннах и Сан-Франциско.

Комсомольцы Севастополя сказали: «Сделаем свой город красивым и благоустроенным!» Их патриотические призывы подхватили молодежь многих городов и рабочих поселков.

ИЗ БУДУЩИХ КНИГ

В минувшем, 1960 году Союз писателей СССР пополнил свои ряды. В семью профессиональных литераторов пришли молодые талантливые люди. У них разные судьбы, разные темы современности волнуют их, но всех их объединяет акцентное отношение к жизни, горячее стремление рассказать об увиденном и рассказать по-своему.

Сегодня мы публикуем лирические стихи новых членов Союза писателей — поэтов Н. Матвеева, В. Цыбина, И. Грудева.

НОДЕЛЛА МАТВЕЕВА

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР

Несколько проходит прохожий,

В колясках весят малышей.

Кленовые листья

похожи

На крылья летучих мышей.

Небес отражением свежим

Сияет сырой тротуар.

И пахнет расташанным снегом

Сквозной розоватый бульвар.

И тем,
с головою опущенной,
С отметиной солнца на лбу,
Задумчивый памятник Пушкину
Глядит с пьедестала в толпу.

И кудри,
такие знакомые,
Теснится,
как листья плюща.
Теплелиющим снегом напанена
Бессмертная складка плаща.

И, юной щадящей охваченный,
Пренесен у пушкинских ног
Украшенный солнечным зайчиком,
Испутанный снегом
венок.

РУЧЕЙ

Помню место дикое,
Дико-деревья...
Буйный, но тихий
Там была трава.

Ручейки карташевые
В добрых камышей,
Бережки шершавые,
Как бока ершей.

С хлыстами пугающими,
С пропастью дупла,
Из дамской гривы
На воду легла.

На траву присела я
У ее корней
И блажнику серую
Бросила в ручей.

Ух, как он понес ее!
Звонко стал терзать...

Броскись-то я бросила,
А назад не взяла.

В ПРЕДЧУВСТВИИ ПОЛЕТА

Г С Земли, где сладок сок ранета
и горек сок берез на вкус,
я знаю —
новые ракеты
возмутят к галактикам свой курс.
Жизнь в предчувствии полета...
Среди космической зимы
согреет первого пилота
прихватченная горсть Земли.
И потому припомнит снова
он Землю в запахе грибов,
укутанную в мех песьцовь
новорожденных облаков.
И мы найдем иные земли
в нескеленной пыли,
мы, что изгнаны новоселить
на дальне и на Ауре.
И нам и там, в далеком мире,
не спать —
и все же не сдаваться,
свои Алтай и Сибири,
и открывать, и обживать.

И это нам, неизмеримым,
прославить для большой поры,
ракетами многострунными
в периферийные миры...)

★ ★ ★

Несены ты в ведрах холод синий —
в нем новляются ходят лед.
Шаль побеяла пушнистый иней,
под валенками снег поет.

Не веда словно, а покуки
проносишь под моном окном,
и звонко звякают сосульки
на коромысле распином.
А на ресницах лыдки смеха...
Ты оставляешь у столбов
в снегу раздающее эхо
скрипящих ведер и шагов.

— Остановись! Чего же проще,
у вашего двора приехал...
Но ты идешь троих на опушку.
Не выдергиваешь, и обернешься,
и полведра прольешь на снег!

ИГОРЬ ГРУДЕВ

БЕРЕЗКА

Балинкой ураган неистовый
Созда се давно занес.
Была порой зелень листьев
Поутру мокра от слез.
Но солнце в подъезде поднималось —
Березка,

расправляясь ветвь,

тиналась кверху:

все старалась

дорогу к дому разгадать...

Жалели сосны серебристую,

ласкали лапами ветвей.

Но в ласках этих,

самых искренних,

лишь иглы чувствовались ей.

Шупались вечночесные:

«Она устает по листку».

И все гладели, изумленные,

На непонятную тоску...

Когда ж настали дни морозные,
Покрыла сосны седина —
Ей вдруг почудилось:
березами
Она в лесу окружена.

ВОДА

Себя в искусстве пробует вода:
В саду цветы сленяли изо льда,
Перекла в них в музыку капели.
Потом на светлом зеркале пруда
Рисует их мазками акварели...

Добьется ж настоящей красоты,
Собой живые напоит цветы.

Они в степи

Фото Л. Янбикова.

Розовая пыль висит над рекой Бердию. Утром она похожа на туман. За рекой уходят взрывы: в карьерах руют породу. Пыль, похожую на туман, ветер приносит оттуда. Новички в этих местах первое время частенько вздрагивают, прислушиваясь к взрывам, и тревожно смотрят вправо и влево — «Фронт забоя»! Слова получают здесь особый смысл. Те, кто приезжал сюда впервые, с любопытствомгляделись в местную землю: из нее ведь делают цемент. Но земля казалась самой обычной, такой же, как и везде.

Ребята и девушки, кото-

рые с чемоданами в руках и рюкзаками за плечами выходили из поездов, делающих короткую остановку на станции Искитим, сразу торопились в штаб стройки. Здесь начинался бой за сибирский цемент, бой, который начали комсомольцы — строители Чернореченского цементного комбината.

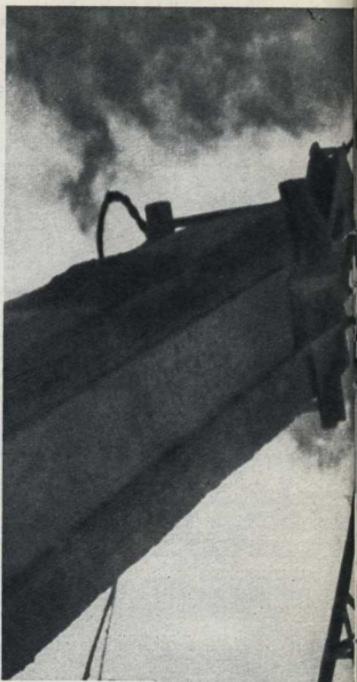
Цемент... Он нужен стройкам, домам, заводам. Несколько его называют лебедом строительства. Бой за чернореченский цемент был начат после того, как Ленинский комсомол взял шефство над промышленностью.

А ведь совсем недавно

жизнь стройки текла медленно, неторопливо и тягучая, как тихие воды спокойной сибирской реки Берди. И так же, как взрывы в карьерах разбужили вековую тишину этих мест, так же комсомольская инцизатива нарушила, взорвала застой на стройке.

Геннадий Гончаров,ставший во главе штаба, поехал в Москву, в ЦК ВЛКСМ, на совещание рабочих цементной промышленности. То, что говорилось там, крепко запомнил Геннадий. Встретился он на совещании с такими же, как он, комсомольцами из штабов других строек цементной про-

МОНТАЖНИК ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ (ВТОРОЙ СЛЕВА) ОБЪЯСНЯЕТ СВОИМ ТОВАРИЩАМ — КРАНОВЩИКУ ВИКТОРУ КОСТРОМИНУ, МОНТАЖНИКУ МИХАИЛУ КАШНИКОВУ И АЛЕКСАНДРУ ПШИКОВУ — ПРИДУМАННЫЙ ИМ НОВЫЙ СПОСОБ ЗАХВАТА КОЛОНН-ОПОР ДРУЗЬЯ ПОДДЕРЖАЛИ ЕГО, И ВУЖЕ ЭТОТ СПОСОБ В ДЕЙСТВИИ.

мышленности. Многое после этих разговоров стало ясно Гончарову. Вернувшись на стройку, он рассказал все ребятам. И штаб взялся за дело.

Начали с главного — со снабжения стройматериалами. Не хватало леса, не подвозился щебень. Комсомольцы обратились в обком комсомола, в совнархоз и не успокоились до тех пор, пока не получили от них машины с лесом, самосвалы со щебнем.

Но самое главное, в чем остро нуждалась ударная стройка, были люди, строители-специалисты. И снова комсомольский штаб взялся за дело.

Все чаще и чаще склоняли на станции Искитим ребята из кружков членов партии и профсоюзами. Одним из первых приехал бригада сварщиков с судостроительного завода города Николаева. Сейчас эта бригада, одна из лучших на стройке, успешно борется за звание коммунистической. В числе других добровольцев приехала сюда и Валя Бабаева, окончившая инженерно-строительный институт. Она довольна своей работой. Её всегда с нетерпением ждут комсомольцы, потому что знают: Валя привнесет интересные книги, свежие газеты и журналы, расскажет, как идут дела на соседних участках, посоветует, какую книгу выбрать.

Комсомольская инициатива внесла много поправок в срочное строительство. Ежедневно строители находят новые резервы, позволяющие ускорить ход работ. Вот, например, монтажник Юрий Афанасьев. Им сконструирован захват для колонн-опор. Раньше, чтобы поставить такую колонну, требовалась сложная система подъема. Теперь же опоры иногда срываются и падали. Тогда и задумал Юрий Афанасьев изготовить приспособление, которое позволяло бы прямо с земли краном поднимать опоры в воздух. Придуманный Афанасьевым металлический захват намерто захватывал основание колонны. Использование легкодоступности на мосту, установлены огромные, тяжелые опоры. Теперь колонны-опоры монтируют прямо на земле. Если раньше на весь процесс затрачивалось 22 часа, то сейчас вся работа занимает всего 11 часов.

За короткое время ударная комсомольская стала одной из лучших в строек страны. Сейчас ей построено переходящее Красное знамя Государственного комитета по делам строительства СССР. Центральный Комитет ВЛКСМ наградил комсомольскую организацию премией.

К концу 1961 года первая клиническая печь Чернореченского комбината даст стране высокачественный сибирский цемент.

С. НАУМОВ

КАЧАЮТ МОНТАЖНИКА-ВЫСОТИКА НИКОЛАЯ ДОРОВСКИХ, НО ЕМУ НЕ ПРИВЫКАТЬ К ВЫСОТЕ.

КОНЧИЛАСЬ СМЕНА. БРИГАДА ВЕСЕЛЫХ — ТАМАРА ИЛЬИНКОВА, ТАМАРА САМУСЬ, ЛИЛЯ ВАЙЗУМ, ЛАРИСА ТОМАШЕВСКАЯ, ЗИНА ЧИСТИЯКОВА, ТАМАРА ХАЙНОВСКАЯ — СПЕШИТ ДОМОЙ, В ОБЩЕЖИТИЕ.

ВИЛЮЙСК

— В отрыве привез экспонат для будущего городского музея — Григорьев нетерпеливо поклонил портфель, стараясь что-то поймать в его желтом кожаном брюхе.

Алексей сидел напротив и, смотря на лобастую, седеющую голову инженера, на первые макушки под глазами, прикидывал: сколько ему может быть лет? Сорок пять? Пятьдесят? Во всяком случае, Григорьев составился гораздо быстрее, чем положено стараться таким могучему, жизнерадостному человеку. Надорванный сухожилья и бессоницей организм быстро сдавал. Плотины, построенные Григорьевым, стали известны всему миру, специалисты почтительно понимают его, но он сам, кажется, не знает, что это за человек, а сам инженер, все так же по-матерински обнимущий к себе, в грубых сапогах и кирзовках, все мотается со стройки на стройку, троекратно дозывает отдавшую свою молодость, энергию, силы.

Нет, он не знал и не мог знать Алексея Семенова, никак пока не знаменитого молодого инженера. А вот Алексею знал о нем почти все. Даже бегал, когда-то на лекции Григорьева по электрификации. Правда, это было давно: почти шесть лет назад. Тогда Алексею было двадцать, и он учился в Ленинградском политехническом. Сегодня они встретились на «вилюйсторе» как коллеги и земляки. Алексей в ожидании сооружения самой ГЭС работал пока мастером на строительстве поселка.

— Наконец-то! — Григорьев весело бузул на стол обновленный, слизистый кирпич. — Привез как подтверждение маркса закона стоимости. Помните такой закон? У себя на кирпичном заводе этот экзальтиларин не стоял и приводил копии из прошлого сюда, на строительство. Вилюйской ГЭС он хотел стать надцать рублей! Я уж не говорю о цементе, он попросту превращается в золото, в золотые слитки, будто к нему приносится минческий Минас. Впрочем, сейчас это уже не страшно. Страшно было три года назад...

Григорьев загаялся по комнате. Свежие половицы еще недостроенного двухэтажного дома звенели под его шагами. Он помялся там, где страна затевала гигантские стройки, которым суждено было быть в истории, как образцам инженерной мысли и героязма строителей. Сейчас на Вилюе уже чувствовалось дыхание могучего строителя. Сюда шли перегруженные самолеты, ленские баржи тянули огромные ящики с надписью «Вилюйстрой», инженеры управления «Вилюйэстстра» были получены дальнейшими строителями Миасса. Само слово «вилюйгэс» на этих территориях от Иркутска до Полярного круга произносилось почти с благоговением.

Да, три года назад было мало. Григорьев волновалась даже сестра, вспомнила об этом. Тогда стало ясно, что без мощной электрической базы не выживет алмазная республика. А где взять эту базу? Проектчики бросились к картам — искать в Якутии, хоть камень найдут путем сообщения. Их не было. Была тайга. А в ней алмазные центры Дальды и Мирный. Они требовали электричества, они не могли жить без электричества, не могли давать алмазы. Станцию сразу решили строить на Вилюе: его течение заряжено бешенной энергией, и потому это близко к алмазам. Вот тогда было страшно. Проектчики не спали ночами, потому что из мозг раздирали цифры, привнесенные только астрономами и микробиологами. Оружие рта, ну, целый лягушонок... Как построить плотину в районе вечной мерзлоты, где кандид кирпич стоит пятнадцать рублей?

Григорьев подошел к окну. Зеленоглазые, томенники лиственницы нежились на солнце,

вздрагивая крохотными розетками щелчками. Эти хилье деревья напоминали ему болезненные подростки, и при каждом взгляде на земную тайгу в него глох щемящим сердце. Из тайги короводы вырывались дома, подготовленные для будущих строителей ГЭС, — однотипные на отлете и дваждытные в центре. Солнце настыкало лучей между новенькими смолистыми досками, и стены золотились, как фольга. Издалека, несмотря на воскресный день, доносились посыревывания бульдозеров.

Двое строителей — Юрий Матошка и Виктор Прудник — улетали в отпуск как раз на том самолете, которым привел Григорьев. Они ехали поступать на звончное отделение Новосибирского строительного института. Пареньки заметили трусости, хотя им, как лучшим строителям, да рекомендацию «Вилюйэстстрой». Виктор и Юрий проделали нелегкий путь по Якутии. Прорубая в тайге электроподачи, они привезли пакетом от Мухтуха до Мирного. Вилюй. А потом таким же образом — в тайгу. А потом — иной — дошли от Мирного до Вилюя.

Мимо окон по дороге к нефтебазе, лико раскачиваясь на узбахах, промчалась стая самосвалов. И Григорьев вздрог тоже потянуло на улицу, в этот стремительный водоворот света и шумов.

— Может, скажи, Алексея, на Вилюй. Вилюй покажет мне место строства, — Григорьев раздраженно отвернулся от окна.

Узинка, как транша, просекла почты отвесно срывающимся вином, перепрыгнув через скалы, вымытые вспышками, ручеек и плавающими деревьями. Колючий ветер хватался за ноги. От терпкого лиственничного запаха воздух был густым, и Григорьев казалось, что он неышит, а пыль кисловатый хвойный настой. Инженер задыхался, с зависостью поглядывая на загорелое лицо Алексея, на котором не пустировала ни одна жилка.

— Говорят, Вилюй — красивейшая река на свете?

— Увидите. Но мне Печора нравится не меньше, — не оборачиваясь, ответил Алексей.

— А что вы делали на Печоре?

— Доказывал вместе с другими, что ее можно повернуть Каспий.

— Та-ак. Я много слыхал об этой экспедиции. Трудненько пришлось. Это у вас там медведи лазали на буровую? А я, знаете ли, в ваши годы только первый раз выбралась из Ленинграда на ДнепроНефть и на все смотрела круглыми глазами... Ну, а где вы бывали еще?

— Окончил политехнический институт и пошел с партий геологов искать места для теплоизоляции. Определены запасы угля, делали «привязку» самой ТЭЦ. Так и проходил пять лет — от Ленинграда до Братска, от Тайшета до Абакана, от Иркутска до Ангрыска. Потом Памятник пакощиц Вилюй...

Вилюй откликнулся сразу, с кругого прибрежного откоса. И тут же, вспомнив про таежный ровный шум, Вилюй шумел напряженно и гордо, как шумят полноводные тайские реки, на протяжении тысяч километров бросаются своим кольцом на подиумах необитаемых скал. Чайка частыми взмахами крыльев преодолевала южный над водой ветер. Но как только она замирала, планировала, ветер сносил ее обратно, и она снова работала крыльями. Ветер нес запах большой воды и свежей рябь. Белой пеной плевался порог Таваста. Иногда красные от железа волны обнажали его каменные зубы.

Инженер так и вспился глазами в Вилюй. Сколько раз в своей жизни он вот так подхо-

дил к воде! Подходил, потрясенный ее красотой, забывая, с чем пришел. И только потом настремированная память строителя выбрасывала из памяти чистого интеграла, и перед Григорьевым открылось чудо — чудо преображеня реки, несущей вместо воды миллиарды электрических частиц.

Они спустились на берег и сели на гальку. Неподалеку лежала охина взры: рвали дорогу к Вилюю. Ласточки с волнистыми крыльями вырывались из своих беженок в барховых складах и понеслись в таежную глубь, чтобы там прятаться в себя от перекинутого укуса.

— Вот здесь и будет створ, — сказал Алексей... Самое узкое место между дюнами горами. Жаль только, все окрестность затоплен. Говорят, водоразделника будет раз в два больше Чималинского моря!

Григорьев кинул и стал вытирать виноизвешице лицо.

— Ну и дорожка, не привады господы Вам как первым строителям надо видеть значки «Альянснест СССР». Нет, я вполне серьезно... И вместе с тем не будь этих гор, нам ничего было бы здесь делать!

Вилюй долго издавался над инженерами. Все самые дарзини и остроумные замыслы адредеизги разбивались о его недоступность. Погоры тысячи километров от Иркутска и триста пятьдесят от Мухтуха! Как забросить на Вилюй цемент, машины, арматуру? Диапресская плотина взяла восемьсот двадцать тысяч кубометров бетона. Это приблизительно пятьдесят миллионов кубометров цемента. А если возить цемент на самолете? Или на вилюйской плотине выпустить в дастище миллиардов рублей. Погоры и другие огромные колебания температур в тайге края. Ни одна обыкновенная плотина не выдержала бы таких колебаний. Тут было над чаем ломать голову. Пожалуй, никогда еще ни одному энергетику мира не приходилось решать более сложной задачи.

На берегах Вилюя забавляли палатки гидрологов. Здесь заполнялись графи речного «пласпорта»: состав воды, строимые русла, скорость течения. Чтобы заполнить графи этого «пласпорта», люди потратили не один месяц, пройдя тысячи непрощаемых километров и пересекая пониные породы.

И вот однажды мимо созадченного вахтера московского «гидроэнергопроекта» быстро прошел сухой, как щепка, человек в разиновых сапогах. На его полевой сумке болтался зеленый авиационный ярлык: «Иркутск — Москва». Эта сумка показалась вахтеру подозрительной. Он решил, что он —нибудь предприниматель, — и, не зная, что сказать, предпринял, как человек с сумкой улическим второй этаж — прямо к диапрессорному кабинету. Вскоре туда же устремились четверо взволнованных проектировщиков. А еще через час перед аконцом сбыты с толку вахтером сказала оказался тотчий человек в разиновых сапогах...

— Даите прикурить, папаша! Вахтер хотел было его обо всем расспросить, но тот вдруг прислонился к стене и закрыл глаза. Он спал.

В половой сумке, привезенной из тайги, было подсобившее исследование Вилюя на участке между порогами Эрбайзек и Улахан — Хан.

Река сама подсказала простейший и единственный способ ее укорочения.

Вилюй судоходен только на семьсот километров от Ленин. Дальше идут пороги и почти бесплодных тайга. У порога Таваста река сильно сужается. Диабазовые глыбы скал сурово сматривают в риванье речных струй. Иногда от

КОЕ ЧУДО

малейшего сотрясения огромные валуны с грохотом скрываются в воду, и Вильой разыгрывает крошки волн, о неожиданном преображение. А что если?.. Что если устроить искусственное землетрясение? Расколоть берег динамитом и сбрасывать, сбрасывать в реку огромные каменные туши? С каждым днем насыпь будет расти: десять, двадцать, сорок, семьдесят метров... А Вильой! Он на время строительства повернет в туннель, приготовленный для него человеком в береговой скале.

Так рождался замысел полярного Днепра, самой северной и самой недобывной станции Союза. Там рождался замысел первой каменно-насыпной плотины в условиях вечной мерзлоты. Этот проект давал возможность при общем объеме выработки, насыпной и скальной наброски в четырех с половиной миллиона кубометров использовать все шестьдесят четыре тысячи кубометров бетона! К тому же скальной плотине не страшны никакие сдвиги суровой земли природы! Каждым днем проект становится проще и правильнее. Уже ясно, что из здания станции не придется перебираться по челянам на самолетах, как «анархии» вареники или книги. Его выбросят в право-бережной склоне, подобно дремучему китайскому городу. Это будет на тульском дешевце, на практике! агрегаты забавятся от страдальческих колебаний атмосферной температуры. А вода горячая! будет податься по особым каналам, тоже пробитым в скале.

Для строительства Вильской ГЭС был назначен головокружительно смелый (как и весь проект) срок. Инженеры доложили правительству, что уже в 1963 году через мерзлотную якутскую тайгу шагают к алмазным месторождениям высоковольтные вышки. Огромный, в пять Франций, край, веками целившийся среди снегов, покроется городками, фабричными, цеховыми.

— Вот вам и сказка о спящей царевне, — усмехнулся Григорьев. — Только, чтобы разбудить нашу Якутнюю, потребуется не поцелуй скажочного принца, а электрический заряд большой мощности. И мы его дадим...

Он, очевидно, видел в этот момент всю плоскую
тишину и даже слышал разрыв запертого Вилюя.
День все хотел и не мог перейти в ночь.
Невестинство огромное солнце стекало багря-
ным огнем в тайгу за Вилюем. Комары, воз-
мущенные запахом димитала, зудели у самого
лица, отравляя торжественную тишину зажата.
За рекой в поисках геологов искалины блед-
ные огоньки. И чистый женский голос запел
под совсем рядом:

Над тайгой туманы легли...
Где-то в сердце Якутской земли
Мы поставим палатку у гор
И разложим из неток костер...
Жизнь геологов — та же вода,
Незаметно промчится год.
А захочется жизни сполна —
Уж глядишь, на висках седина...

— Странная песня, сразу видно, что студенты придумали,— почти сердито сказал Григорьев.— Жизнь сполна — это, по-моему, когда человек делает все, что в его силах...

вспомнился дом, Ленинград... Алексей любил Ленинград по-своему. Он, пожалуй, не смог бы жить, не будь твердо уверен, что каждый день рано в шесть выпадет пушка из Петропавловки и вечером, в серебристых сумерках, вспыхнут огромные огни Маринского театра. Но жить в Ленинграде постоянно он не мог, потому что жить для него значило ходить по земле и строить новые электростанции. Принеская в отпуск Алексей уставал от напряженного восторга, в котором держала его встреча с Ленинградом. И мат,

большеглазая легкая женщина, все заглядывала в загорелое лицо сына с резко выделявшимися на нем белыми веками и светлыми волосами. Чуть позже она улыбнулась, а потом, когда вот эти однажды ее сын сбросил с плеч запыленный рюкзак и скакал: «Ну, жажда, хватит. Можно и оседлать...» Всё сколько-то другой раз в Ленинграде один работает в кино, другой где-то в проектном институте. Разве можно сказать, что он не живет? Живет! Сын говорят, что Альба — очень хорошая девушка, она уже приглашена в проектный институт. Сын смеялся над ее робкими намеками...

— Каждому свое, мамочка... Надо же кому-нибудь и электростанции строить...

И все-таки каждый раз она надеялась, что проходила надежда отпуска, другая. И Алоша начиндал змурзть, напевая под нос какие-то песни о голубом снеге, ветре и тайге. Все чаще нечаянно смазывал шуршащие сугробники сантехником: ему становилось тесно в их ленинградской квартире. И мат, привыкшая глядеть на него с любовью, с легкостью, в рисках да, начинала потешаться, склоняясь к нему, улыбаясь, целуя. Потом она саркасно, получая слишком большие переводы (ведь она и так проживет, а сын ничего себе не оставят!), и тайком носила своей давней подружки, сосаская ее длинные влажные пальцы. И если энзимы подводят сидение пригорюненой, то есть купаются в думях о том, что супружеская любовь стала для них изуродованной, то есть навсегда лишилась изуродованной, то есть навсегда лишилась

Солнце все-таки скапливало за горизонт, оставив за собой сверкающий бруниский след. Воздух стоял невесомым и голубым. Это было последнее теплое лето на створе...

жинят от каменистых уступов его ноги.

В поселке было тихо. Вечером проплыл вертолёт. Он привез газеты сразу за три недели и киномеханика — маленького, сердитого якута. Весь поселок собрался в небольшой комнате, на дверях которой кто-то вывел тушью: «Кинотеатр «Фильзой». Григорьев и Алексей побороли страх и пробрались в «кинотеатр». Но это

— Придется заняться чаем-нибудь более доступным. Идемте, например, ко мне пить чай,— предложил Алекей.— Задно я покажу вам фотолотосы нашего поселка. Эту летопись ведет мой друг Валерий, выпускник Московского института геологии и картографии.

ковского института геодезии и картографии. Это первый человек, ступивший на землю нынешнего поселка. Его рукой забит и первый колышек на улице Гидростроителей.

В комнатке царя суровый колючий уют. Дощатый стол, два узких койка, фотографии тела и книги. Там три браслета из золота, пятьдесят рублей золотом, кинжал Александровский, золотой монета называнием Алевиза, пальмовая гимнастка, как бы обясняющая, почему у ходянина, замыкнутого и неувильчивого на вид, такой ясный, по-датски доверчивый взгляд. Это был уже второй медведь, связанный с именем Алексея. О первом, захлебывающем от восторга, Григорьеву рассказал как в самолете охотники-якуты. Мещера три назади Алексея пошел на охоту и восторгом сказал, что наступил лесной год, сопровождаемый медведями. Сейчас се ребристые седины шквара — одна из достопримечательностей поселка. А скан мастер с легкой руки охотника-якута приснисен к списку отчизненных храбрецов. Пока Алексей Княгиня чай на нестерпимо дымящей железной почурке, Григорьев разглядывал тонкие, как китайские рисунки туши, фотографии.

Одиночные следы на заснеженном Вилюе.

Подпись: «53 градуса мороза». Палатка среди тайги. Это Валерий был один. Намечал линию будущей улицы, планировал, ходил с теодолитом.

Широкоплечий парень в ушанке пилит дрова пилой «Дружба». Значит, жителей в поселке стало в два раза больше — двое.

Простыни ложатся на землю: ждут первого вертолета. Вокруг уже человек десять. Потом улица, дома, весенний Вилуй. Прошло три месяца. В поселке триста жителей...

Григорьев вспомнил, что только вместе с ним в самолете прилетело еще десять новых строителей. Теперь они будут прибывать сотнями...

Когда-то много лет назад на берег Видюя

Когда-то, много лет назад, на берегу Белой
реки в селе Белые Ключи жил один старик

каждое утро выходил худощавый бледнорукий человек. Он садился на опрокинутую лодку и, тоскливо оглядывая пустынные берега, пытался представить себе счастливым здешний край нищеты и каторги. Он был великим провидцем, этот мудрый каторжник. Но разве мог пред-

положить тогда даже самый смелый ум в России, что на пройдет и сорок лет, как на таежном Вилюе начнут возводить могучую электростанцию и строители назовут свой поселок именем вилюйского ссыльного — поселка Чернышевского.

Время делает гигантские скачки, как в камнебудь историческом музее, где через два зала из сирийской вазы лежат знаменитые революции и фотографии ДнепроГЭСа. ДнепроГЭС, 1932 год. Молоденький инженер из Ленинграда пригнал подводники в сырую зиму. Но из него нестерпимо звучало что-то живое. Но это не перекликнулось громовой голосом «ДнепроГЭС» в пустыне, в сюда? И они идут: Григорьев и инженер-американец, которому он изъясняется и увлекается к его знаниям несчастный... Расстояние между ДнепроГЭСом и станцией на Билюз уложилось в неделю короткий срок — четырнадцать века. Это уж было черт знает что. От таких вещей становятся в туписи истории-догматики, жаждущие во всем видеть подтверждение эволюции, постепенности, непрерывности, единства, аристократии, будущем напротиво германесов. И только смысла создатели этих чудес не имеют временных оглазий, чтобы понять, как далеко ушли они за пределы возможного.

Но, пожалуй, самое замечательное было в том, что за эту же четверть века успело вырасти новое поколение советских инженеров, по- коление Алексеев, которым по плачу самы сложные технические задачи и для которых стремительные темпы строительства, до сих пор поражающие их отцов, стали обычным гордостью инженера.

Чайник на столе болтливо тряс крышкой, пытался завладеть вниманием людей.

Алексей, хлопотавший у стола, на котором уже появились две банки тушонки и полбулки

хлеба, усмехнулся первый раз за день:

— Это голубцы Миша на аккордеоне учится. Два брата из саратовского техникума: Володя и Миша. Отличные ребята. Плотничают за первых. Построили поселок и возьмутся за плотину. Мать хотят сюда выписать. А через коридорчики от них живут молодые проектировщики. Замечательные...

Алексей не договорил, увидев, что Григорьев весь наливается смехом. Потом, поняв, он тоже расхохотался:

— Расхваливаю народ, как невесту на смотринах? А что поделаешь — у нас действительно все хорошие!

С этого момента Григорьев окончательно почтывался семейством «Библиостроя» как домашний пос. Чернышевского,

ШЕРВЕНСТВО,

В небольшом двухэтажном здании, расположенным неподалеку от пионерлагеря Энгельса, что в тропинке с небольшими кипарисами от Москвы до Рязанского шоссе, в здании, которое вместе с гимназией возвели для летней тренировочной базой команды «Торпедо», в этом маленьком уютном домике все в тот день жило привычным, размеренным ритмом...

То в один, то в другом крыле здания мелькала проворная фигура баулага и нелоседы Славы Метревели. Мигом склоняли он вниз, откуда доносились гулкие удары билльярдных шаров. Что-то говорил. И тут же молниеносно взлетел на перегородку. Вот его черная куртка-поло пронеслась в двери комнаты, где, занятый своим обычным делом — с книгой в руках — лежал на койке Саша Медакин.

— Поступай, Сашок, какую штуку мы сыграли с Островским...

— Отстань, Муха. Не мешай.

Несколько лет назад, когда Метревели только пришел в команду московского «Торпедо», ребята прозвали его «Мухой». Потом, видя, как ядою добывался он спортивного мастерства, ему газировали:

— Муха, ты будешь слоном!

Теперь Слава стал «слоном». Однако его нет-нет да называют, как прежде, «мухой». Особенно если хотят побывать от него отдельством.

Слава, вообще-то говоря, не обидчив. Он весельчак и проказник. Шутки у него без края.

Не вышло здесь — голова его через мгновение занял в соседней комнате. И, словно это, ато-рит ему близкий смех...

А вот Биг Шустинский занят совсем. Захватил пальцы и стал самым скользким сайкой команды. И даже выдастся свободная минута, он уже у штанги. Продолжает несколько упражнений — и сразу к зеркалу: мол, как они, мышицы, напинаются?

— Как, ничего? — показывает Виктор свои бицепсы, идущими мимо пожизненному человеку — доктору Сергею Федоровичу Егорову.

— Чего Ты о мускулах? Да разве это мускулы? Вот у меня был друг. Еще до революции. Тоже занимался развитием тела. У него, брат, были мышцы! Но мышцы, а бронзы...

У врача команда, которого все зовут любовью «Батей», свою слабость. Он любит экспериментировать. Скажем, зайдет разговор о футболе, и Батя так будет:

— Да разве сейчас футбол? Вот раньше был футбол! Залапубушки! Удары, комбинации, финты. Так вам играть не синицы...

Придет к доктору футболист с жалобой, и ему наверняка придется успокоить:

— Чо, маняк, говоришь? Да какой это маняк! Вот у меня тридцать лет назад был маняк...

Ну, а если темой спорта станут вдруг собаки, и тут у Бати готова история:

— Это все ерунда. Вот у меня до войны была собака...

В то время, как Батя просвещает Шустинского насчет мышц из литой бронзы, над ними, в комнате второго этажа, не менее любопытным делом занят тренер торпедовцев Виктор Александрович Маслов. В сотый раз измеряет он шагами небольшую комнатку. Все раздумывает. Как лучше составить дружеские элиты для предстоящего матча с «Локомотивом» Карагандинским. Кажется, что Карагандинский бы, нашел тему. Валентин Иванов женат на гимнастке Лидии Калининой. У Лиды что-то не kleится с упражнениями на бревне. Это можно обогнать... Она старается все время попасть на бревно... Валя вся время целят мимо бревна! (ведь штанги тоже можно считать бревном!)... Кажется, это можно обогнать в эпиграмме. Но как? Надо выразить мысли коротко и ясно...

Внизу у магнитофона кто-то затягивает песню...

Рядом идет боевое сражение билльярдистов...

Двое усаживаются за шахматный столик... Внешне как будто было обычный день отдыха... Но почему же тогда, несмотря на то, что футбольное поле буквально завалены сугробами снега, тренировка все же не была отменена? Снега, конечно, на баскетбольных площадках. Короткая, но интенсивная. Почему? Батя придиричнее обычного осматривает каждого футболиста? Почему?

Если бы вам удалось побывать на собрании команды, которое состоялось в этот внешне ничем не примечательный для торпедовцев день, вы бы все поняли... Собрание это началось кратким вступлением тренера:

— Значит, завтра у нас финал. Последний матч. Самый трудный, решающий матчи сезона. Трудный не только своим напряжением, но и тем, что зрители ждут от нас красивой игры. Мы стали чемпионами. И это звания обязывает нас ко многому. Давайте решим, как будем завтра играть...

Никто не избрал рецепта, с помощью которого можно было бы из отдаленных игроков быстро и беззаботно создать сгармонизированный футбольный коллектив. Сколько игроков — столько и загадок. Однажды не похожи один на другого людей, однажды разные человеческих характеров должны сливаться воедино, создать нечто целое. Единое не только в стремлениях, но и в умеении показывать в общую колпаку своюнюю свою способность, свою характеристику.

Это самое главное в любом футбольном ансамбле, начиная один желаньем можно даже сказать, единным движением всех его звеньев, начиная с игрока и кончая массажистом команды. Не случайно, когда торпедовцы стали добиваться успехов, многое захотелось разгадать их «тайну», открыть их «секрет», определить ту силу, которая позволяла им на протяжении семи месяцев труднейшего футбольного сезона играть, по сути дела, без мешанины срывов.

...Четыре года готовились автозаводцы к своему триумфу. Четыре года надолго большинство нынешних торпедовцев прорывались в команду мастеров, а остальные — в молодежь. Составляли. Если они чем-либо и отличались от сверстников, то единственное желание быстрее познать законы футбольной стратегии.

Благодатная почва издала юношам в «Торпедо». Команда с прекрасными традициями. И среди них одна, пожалуй, самая значимая. Автозаводцы всегда стремились к красавцу футболу. Какие бы наудачу ни преследовали коллектив, но в каждом сезоне он обязательно демонстрировал два-три поистине велико-

лепных матча. Содержательных, эффектных, чисто торпедовских... На них и воспитывалось будущее поколение автозаводцев. Манера игры старшего из нынешнего состава торпедовцев — Валентин Иванов, манера приятной златой игры, построенной на быстроте и оригинальных тактических замыслах, стала тем фокусом, который освещал молодежи пути к футбольным вершинам.

Четыре года понадобилось для того, чтобы юноши из футбольной школы молодежи перестали спотыкаться и представили перед зрителями уже не новичками, а продолжателями лучших торпедовских традиций. И все эти четырех лета были посвящены воспитанию разносторонних игроков...

Разносторонний — значит отлично развитых, умеющих быстро бегать и высоко прыгать. В этом отношении у торпедовцев сокрушительные успехи. По быстроте они превзошли все известные доныне советские команды. Результат 12 секунд на стометре — для них раз-

КУБОК

дской. Обычные и 11,5 секунды и даже более лучшие времена.

Разносторонний — значит овладевших всеми премудростями футбольной техники. Что же, и здесь успехи торпедовцев поразительны! Если бы вы увидели автозаводцев во время индивидуальных занятий с мячом, то невольно подумали бы, что попали на показательный урок жонглеров...

Может, в этом и скрывается весь «секрет» торпедовских побед? Но ведь то же вы встретите в других коллективах. Не только в «Торпедо» работают с молодежью. Но один Слава Метревели отличается настойчивостью и упорством... Действительно, не мало труда понадобилось тому, чтобы он научился «скретону», чтобы из рядового полузащитника нападающего выкристализировался отличный край. Но ведь и в других коллективах есть трудолюбивые футболисты. Такие же упорные, настойчивые...

Случилось это еще перед выездом торпедовцев на юг, на тренировочный сбор. Вся команда отпраздновала свадьбу. Вполном смысле слова спортивную свадьбу. Валентин Иванов женился на известной гимнастке Лидии Калининой. Ребята шутили:

— Нужен и муж —
Заслуженные мастера...

Поздравляли молодоженов...

И никто не подозревал, что с легкой руки Иванова сезон 1960 года превратится для торпедовцев, образно говоря, в свадебный сезон.

А вышло именно так. Торпедовцы не толь-

НОВОГОДНЯЯ ОСЬ ЗЕМЛИ.

Рисунок Г. В. Караваевых.

— ВЫЛЕДЗАЙ, ПОПО!

Рисунок С. Крылова.

МАСТЕРСТВО НЕ ПРИХОДИТ САМО. ОНО РОЖДАЕТСЯ В ЕЖЕДНЕВНЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ТРЕНИРОВКАХ. НА СНИМКАХ: ТОРПЕДОВЦЫ НА ГИМНАСТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ. СЛЕВА — С. МЕТРЕВЕЛИ. СПРАВА — А. МЕДАКИН.

ФОТО А. ВОЧНИНА.

ко добывали очки в трудных схватках на футбольном поле. Но только праздновали свои спортивные победы. Каждый месяц они праздновали еще по седьмому. Лариса... Нина... Коля... Маношин... Валерия... Лариса... Валя... Денисов... Олег Сергеев... Никонов... последний — Витя Шустиков... Все перемежались.

Читатель, наверно, удивляется: какое, мол, отношение имеют схватки к «секретам» торпедовских успехов?

Попробуйте найти тренера, который не закручивает, узная, что семеро основных его игроков в течение одного сезона решили обзавестись семьями... Схватка в разгар сезона — для команды помеха. А семь

рок безответственному парнику. Балерина из ансамбля «Березка». Серебряная, умная, красивая девушка. Словно родился заново Валерий Родин, продолжать учебу. Стал деловым, серьезным.

И сразу нашлось общее у двух полузащитников. Оба молодожены. У обоих интересные планы на будущее. Они подружились. Всегда вдвоем, всегда вместе. Даже живут в одной комнате...

Как отразилось это на игре команды? «Торпедо», говорить, пожалуй, не нужно. Пары Маношин — Воронин оказались лучшей парой полузащитников в прошедшем сезоне. Молодежному физкультурному клубу, и не только подавал пример молодежи. Вырачало из проката свое умение поддерживать, подстраховывать друг друга. А это ли не лучшее проявление дружбы!..

Праведливо говорят, что не бывает спортивных дорог, усыпанных одинаковыми розами. И для «Торпедо» нынешний сезон не будет легким. Не сразу пришла эта «сплоченность индивидуальностей», не сразу «душа команды», не сразу на одиннадцать разных человеческих характеров стала нисходить то единство игровое вдохновение, которое цементирует футбольный ансамбль.

Тяжело, скрупулезно складывается новая машина. Правда, одна команда добывает ее.

Но вот легкость в игре не ощущалась. Той

непринужденности, без которой немыслимы закономерные успехи. И камнем преткновения

И уже на старте торпедовцев вырвала дружба.

Не все удивлялось. Но было желание играть. Не грустить, а именно жить. И играть хорошо, с душой, с энтузиазмом. Отчего рождается такое желание, сказать сложно. Просто все одиннадцать тепло спалились воедино. Все были молоды (средний возраст торпедовцев лишь 22,5 года). У всех были общие интересы...

Нет, не легким был путь автозаводцев. Даже когда в игре появлялась непринужденность и изящность, испытания продолжалийти по пятам. Во многом из-за календара. Еще бы! Три блестящие провести отборочные встречи — и начинают все сначала. Без передышек, без вполне заслуженного отдыха.

И здесь тоже помогла сплоченность коллектива.

Вспомним хотя бы матч в Ростове. От него зависело почти все. Провинция сразу лишила автозаводцев завоеванных с таким трудом привилегий.

...Какой сложной оказалась эта игра! Противник, казалось, уже на коленях, тут же случалось заскоки рук, замахи. Потом. И вот уже 0:1 Сокольяя волна, сколько энергии пришла оттуда, чтобы восстановить равновесие! Никонов счел сравнив. И вдруг — ни за что, ни про что — еще гол: 1:1! И опять атаки. Опять напряжение всех сил. Только в самом конце встречи удалось уйти-таки уйти от поражения...

Трудно сказать, откуда рождается такая коллективная воля команды.

Возможно, из той ставшей таком привычным для коллектива необходимости быть Сашей Метревели, с ее пристрастием и любовью к футболу. Из любви к игре. Витя Шустиков, который до сих пор считает, что он еще ничего не достиг в футболе... Из флегматичного и справедливого характера Георгия Гусарова, успевающего, несмотря на свою флегматичность, не только играть в футбол, но и учиться. Он заканчивает Московский авиационный институт... Из наивности Леонида Островского, которая так не вяжется с его атлетическим игрой. Из вечной неутомимости Олега Сергеева, так жаждущего до голов, что составлял в портфеле тетрадь с именами своего Кирillы Доронина, всегда точно знающего, что когда он сделает во время матча... Из благодушия Саши Медакина, любителя стихов, трогательного языка и необычайно волевого в футболе... Из молчаливости непримятного паренька Бори Батанова, который счастливо сочетает в себе неразговорчивость и олимпийское спокойствие в быту с темпераментной, поистине беспредельной игрой на футбольном поле. Истинно! Батанов единственный, кто пришел в «Торпедо» из колледжа серии А. А сейчас всем, в том числе и самому Борису, кажется, что он с детства торпедовец. Батанов сразу нашел себя в дружном коллективе автозаводцев. Да и сам, как нельзя лучше привился ко двору. Подошел команда, как горится, по всем статьям...

Да, сколько игроков, столько и характеров. Но только тогда, когда эти характеры соединяются воедино, когда они гармонично дополняют друг друга и обрастают единством цели, единством воли, только тогда

И СЕМЬ

свадеб подряд — это просто немыслимо. Они наверняка выведут футболистов на привычного ритма...

А в автозаводовцы и свадьбы не выбили из колес. Больше того, в некотором отношении они даже помогли команде.

...Николай Маношин и Валерий Воронин не были друзьями. Играли рядом в полузащите — и только!

Маношин — всегда серьезный, спокойный, уравновешенный. Воронин — энергичный, веселый, бесшабашный. Совсем разные люди. И ничего общего. Николай Маношин — настоящий поклонник футбола. Став специалистом по ходокам, Валерия предпочитал знакомства со знаменитостями — киноактрисами, музыкантами. Где такие подружиться! Просто играли рядом в команде...

И вдруг обожвились. Почти одновременно. Коля каким был, таким и остался. А Валерий изменился. Нашлась девушка, сумевшая подобрать ключи к этому энергичному, но по-

праведливо говорят, что не бывает спортивных дорог, усыпанных одинаковыми розами. И для «Торпедо» нынешний сезон не будет легким. Не сразу пришла эта «сплоченность индивидуальностей», не сразу «душа команды», не сразу на одиннадцать разных человеческих характеров стала нисходить то единство игровое вдохновение, которое цементирует футбольный ансамбль.

Тяжело, скрупулезно складывается новая машина. Правда, одна команда добывает ее.

Но вот легкость в игре не ощущалась. Той

непринужденности, без которой немыслимы закономерные успехи. И камнем преткновения

СВАДЕБ

оказалась знаменитая пятерка торпедовских нападающих. Именно ей недоставало так необходимого форвардам взаимодействия.

КАК ВОЛКИ СПАСЛИ ЕЛКУ.
Рисунок В. Драгалина.

— КАК ВСЕГО ОДИН БИЛЕТ?
— А Я СОРОКОНОЖКА!

Рисунок М. Ушатца.

рождается «душа команды», появляется та коллективная сила, тот «секрет», который ведет коллектив к успехам.

И вот он пришел, день финала... Снег плотно окутал беговую дорожку и трибуны. Туманный прямоугольник футбольного поля резко выделялся на белом фоне. Поле это нескользко сухое было укрыто под брезент. Как одемда, согревал он землю. И пока удалось уберечь, насколько возможно. Но все-таки это — «тяжелое поле». Не для таких виртуозных команд, как «Торпедо» и ближайших «Динамо».

Нехотя тянутся минуты... Появляясь, устраиваются на трибунах зрители. Переговариваются... Да, борбас будет острой. Но высокотехнической, классной игры ждти нечего... Зимой сложно играть в футбол!

Однако едва прозвучал стартовый свисток судьи, и все забылось. Все, кроме мяча и двадцати двух футболистов, окружавших зрителей. Нет, это не просто напряженная схватка. Тут виден почет мастеров, художников. Им дана задача! Вызвать волны, смыть хитросплетения комбинаций. Как надежно обрабатывают футболисты мяч и точно передают его то в ноги, то на выход партнеру. Это же красотища! И откуда такое у молодежи!!

Москвичи знают толк в футболе. Их на машине не проведешь. Им подавай виртуозности бразильцев, динамичность венгров, венеское умение плести кружева на футбольном поле... Они повидали на своем веку многое...

И вот даже такой требовательный зритель покоржен. Откуда такое у «Торпедо»? Мяч все время в ногах. Послушный, словно ученик перед строгим учителем. Комбинации. Прорывы.

Молниеносная обводка. Все налицо. Даже тбилисицы, ставшие всегда на первый план технику, не в состоянии ничего противопоставить сопернику. Они вынуждены нарушать правила. Просто нарушают. Иначе ничего не выходит.

После финала многие говорили, что торпедовцы сами уложили себе победу, допустили просчет, решили сразу ошарашить соперника градом мячей и комбинаций. Можно было бы согласиться с теми, кто считает, что забыться о красоте подиума и забречь риски для финиша. Так поступали бы многие. Но тогда не было бы классной игры, не было бы того величебного футбольного, который уединен под занавес сезона москвины.

Не дешево обошлось это «Торпедо»! Чистая, виртуозная игра. Подавляющее преимущество. А счет 1:1. Двадцать с лишним минут штурмовали автозаводцы ворота, пока им удалось наконец забить гол. Дорогой гол! И тут же первая ответная атака — и результат сравнялся. Удача! Да, для ближайших это было безусловной удачей. Но торпедовцам все приходилось начинать сначала.

Легко сказать: начать все сначала. А сильней Гранаты? Или ближайшие близнецы между собой не меньше. Они четыре раза играли в финале Кубка ССР, но ни разу не стали его владелицами. Теперь, как никогда, они близки к этому. Они понимают: соперник не может играть весь матч в предельном темпе. Надо только «клоймить» ударный момент, сдвинуть «подкладку» — и успех за ними!

И ближайшие «подходят жару»... Атмосфера накаляется до предела. На каждый гол, забитый торпедовцами, динамовцы тут же отзывают своим голом. Минуты летят... Вот уже и финальный свисток судьи. А счет иничейный — 3:3.

Где найдешь силы, чтобы продолжать изнуряющую борьбу еще раз? Где Конечнова, где в другую и спасибо коллегам? И автомобилисты, как всегда, стоят. Они оборошаются. Порой отбиваются от атак тбилисицев. Почти все тридцать дополнительных минут... Южане клоймят ударный момент. Когда, наконец, уже нельзя преодолеть усталость. На крыльях мечты — многолетней мечты овладеть кубком — руяются они и победы... Но торпедовцы стойки. Они закалились в боях, привыкли к испытаниям. И «Торпедо» отражает одну атаку за другой.

А на последней минуте... Этого не ожидал никто! Создалось впечатление, что торпедовцы нарочно ринулись забить гол на последнюю минуту матча. Тбилисицы тоже грызли в течение матча отрывавшиеся. Теперь для этого не оставалось времени...

Как бы то ни было, а гол, забытый на последней минуте дополнительного времени Валентином Ильиновым, принес торпедовцам столь желанную командой победу. Они стали обладателями «дубля».

Да, на смену традиционным чемпионам — московским командам «Динамо», «Спартака» и ЦСКА — в 1960 году к штурмуали футбольной пришли автозаводцы. Они сильнейшие. И чемпионы страны и победители кубка. И это сделала дружба и славяность молодого коллектива «Торпедо».

— А Я ТЕБЕ ГОВОРЮ, ЧТО ТЫ СМОТРИШЬ НАОБОРОТ!

Рисунок К. Борисова.

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок Б. Чупрыгина.

ТЕМПЕРАТУРА НОРМАЛЬНАЯ.

Рисунок М. Ушаза.

Фото-этюд Л. Лесникова.

ДЛЯ ВАС, МОЛОДОЖЕНЫ!

Михаилу Левицкому, студенту 5-го курса Московского медицинского института, двадцать три года, а Юлии Левицкой, студентке 3-го курса педагогического института,— девятнадцать. Когда в загсе были закончены все необходимые формальности, молодоженам была вручена изящная папка из мозайкиной бумаги с надписью, сделанной золотом: «Поздравляем с бракосочетанием!» А в ней — теплое, даже

несколько лирическое обращение. Молодых людей с радостным событием в их жизни горячо поддерживали и работники «Салона для новобрачных», куда их привезли приехать.

Так Михаил и Юлия стали одними из первых посетителей этого пока еще единственного в стране чудесного торгового предприятия. Оно находится на Проспекте Мира в Москве.

У входа молодую чету встре-

чают сотрудники отдела обслуживания. Им предлагают раздеться и приглашают присесть за круглый столик. Начинается не большой, если можно так выразиться, семейный совет с участием не совсем постороннего человека. Ведь предметом многое предстоит и взвесить и, пожалуй, не всегда помогают рекомендации только одних родственников и друзей.

И вот после короткой беседы

Юлия и Михаил в сопровождении сотрудника отдела обслуживания идут сперва в сектор товаров для невесты, потом — в сектор товаров для жениха и, наконец, в отдел подарков.

В этих великолепных залах, уставленных трехъярусным пластиком, где отовсюду пьется приятный свет, все выглядит по-домашнему: и стулья, на которых приятно отдохнуть, и столы вместо приезжих прилавков, где

LA CAÑA DE PIKE „СЕРЕБРЯНАЯ УДОЧКА“

Бальдомеро ЛИЛЬО,
чилийский писатель

Рисунки Е. Медведева.

Я нашел номер дома, указанный в газете, перешел на другую сторону и осмотрел фасад здания, из которого искала вывеска: «Серебряная удочка». Универсальный магазин. Продажа сиам и в розницу».

Это было то, что я искал. Я открыл широкую дверь, робко подошел к прилавку и спросил продавца:

— Можно поговорить с хозяином?

Продавец повернулся, посмотрел сквозь стеклянную дверь, находившуюся за его спиной, и, немедленно возвращаясь к своей задаче сбыть товар единственному клиенту, бывшему сиамом и в розницу».

Сиам Пирайя сейчас занят, но он скоро придет.

Я прислонился к прилавку и стал ждать, рассеянно слушая болтовню продавца и покупателя, какими шум цвятов заставлял меня быстро покорчиться.

Круглый лысый человек с одутловатым лицом, с бакенбардами на испанский манер, бросил на меня пронизительный взгляд, сухо спросил:

— Что вы желаете?

Я понял, что нахожусь перед хозяином фирмы, и, вежливо сняв шляпу, сказал, указывая на газету, которую держал в правой руке:

— Сиам, я пришел по этому объявлению. Его глаза вились в моих, и в течение нескольких секунд я чувствовалась, как меня изучает этот пронизывающий взгляд.

— Я действительно нужнаюсь в служащем. Но я не могу предложить условий... В объявлении вы вероятно, читали...

Да, сиам, — перебил я, — вот рекомендации, которые подтверждают мою честность и способности.

Он бросил взгляд на бумаги и затем, взглянув на них, прошелся презрительно:

— Да я вижу, что вы только-только начали работать в области горючих.

— Это правда, сиам, у меня небольшая практика, но зато хороший почерк, я разбираюсь немного в бухгалтерии, а главное — очень хочу работать. Меня никакая работа не испугает...

Казалось, моя ответственная задача задумалась. После короткого молчания он сказал:

— Другие наши магазины по своей древности и ширине оборота торговли ни в чем не уступают самым солидным магазинам этого города. Быть служащим «Пирайя и К°» — это честь, которой трудно добиться. Объявление появилось только вчера, а ко мне уже обратилась более сорока претендентов, из которых большая часть — народ, бывалые ловкие ветераны прилавка, не ученики, как вы.

Я почувствовалась, как тревога скжала мне сердце. Прибавив еще одно разочарование, не численному количеству, я покраснела. Оно, однако, я овладела собой и покорила бороду, чтобы не показать любопытной ценой получить место.

Со всей наложностью, на которую только была способен, я дала ему понять, сколько положения, в котором находилась. Чужой в этом городе, без связи, без средств существования, я была в отчаянном положении. Я предложила ему, чтоб он подверг меня испытанию до тех пор, пока не убедится в моих способностях; сказала, что буду работать без жалованья и если это необходимо, буду грузчиком. Я умоляла, настаивала...

Моя служащая, сиам, смотрела на меня с беспечностью и справедливостью ее работы. Не забывая это неизменное правило, мы должны охранять наши интересы больше, чем свои собственные. Любопытство не считается пристрастиям горючеством смылающих областей. Илишь при отпуске товаров или снижение цен — преступление против торговли и потому непростительное. Прежде чем называть цену, изучите покупателя. Никогда сразу не показывайте высший сорт. Надо всегда начинать с низкого. Ни одного покупателя нельзя отпускать с пустыми руками. Нерушимый закон фирмы таков: «Продать убеждением или

хитростью». У нас есть безошибочное средство убедить строптивых. Все это вы усвоите в свое время. Что вам нужно знать немедленно, так это то, как обращаться с метром, ведь о существовании которой вы наверняка не подозревали.

Этот утверждение показалось мне таким неслыханным, что я усмехнулась. Он же заметил, без сомнения, так как, нахмурив брови, приказал мне, притянув кусок полотна:

— Сиам!...

Я со скрупулезной точностью проделала эту операцию и сказала убежденно:

— Пять метров с половины!

Он взял ткань и, в свою очередь, измерил ее. Шесть метров с половиной! — воскликнул он выразительно, уставясь на меня своими глазками, полными иронии.

Я опешено и смущенно смотрела на него и произнесла:

— Этого не может быть! Невозможно! Я меряла точно!

— Видно, вы меряли плохо, и ясно, что вы не годитесь для службы. Дать метром меньше в таком маленьком куске — это уз сашином! С Сашином, пожалуй, как вы, мы очень скоро обвенчаемся!

Меня бросило в дрожь. Напуганный перспективой снова некая работа, я со слезами на глазах промолчала:

— Сиам, я признаюсь в своей неумелости. Пожалите мне, где ошибки, и я вас уверю, что это больше не повторится.

Казалось, моя мольба его смягчила, и топом совета он сказала:

— Ваша ошибка состоит в том, что, моряя, вы не берете в расчет толщину пальцев. Чтобы избежать этого, надо каждый раз, как вы будете мерить, передвинуть большую и указательный пальцы правой руки так, чтобы проприедовать ткань.

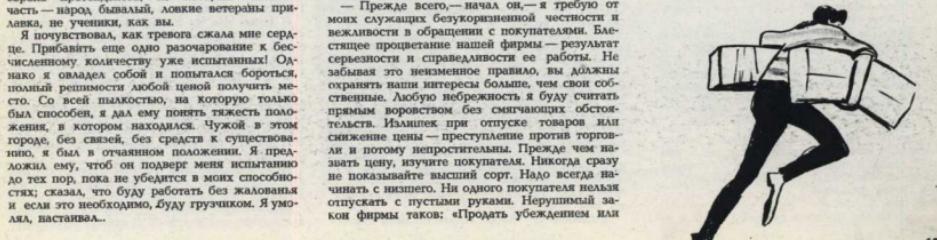
— Спасибо, — спросила я.

Сиам покраснела, — добавить — отвела он, устремив на меня тот пытливый взгляд, который вызывал у меня смущенное беспокойство.

Я пристально посмотрела в его глаза, начиная постигать чистнейшее искусство Меркурия, но мой хозяин выдержал взгляд и небрежно привесил:

— Да следите за тем, чтобы покупатель не заметил маэстро, потому что он эгоист, жаждущий всегда получать все выгоды. Справедливость ему неизвестна.

«Без сомнения, — подумал я. — Но двадцать сантиметров на каждый метр!..»

Изнуриенный, этой ночью я думал со страхом о завтрашнем дне, когда за прилавком я должен буду применить на практике все инструкции моего реставратора-бальзамистиче-шеба.

Когда на следующий день я пошел в магазин, то с ужасом понял, что он опоздал. Едва переступив порог двери, я увидел за прилавком строгие, изучающие глаза. Я пробормотал извинение, получив в ответ жесткий и сухой приказ:

— Идите в магазин и сделайте то, что я вам велел вчера.

Я поклонился, желая усреднен гладким плохое впечатление, которое произвело мое появление. Работа была тяжелой и трудоемкой. Она заключалась в том, чтобы оторвать пластины, вытереть пыль и снова разместить на них товары, классифицируя их по однородным группам, обрамившим на лестнице, я добросовестно работал, не слушая окно, расположенного на уровне моих головы, сделавши меня спутником любопытной сцены.

Со своего места я видел, как сеньор Пираян, пешком покидая порог двери, откуда он наблюдал уличное движение, вошел в магазин, в этот час пустынный, и полез под прилавок, съежившись, как кошка, когда она готовится к прыжке. Прежде чем я опомнился от удивления, я услышал крик продавца:

— Яйца, свеженожки яйца!

Немедленно покрылись потом двери магазина и по знаку слышащего подошли к прилавку, куда и поставила корзину с товарами. Немедленно завязались следующий диалог:

— Почем дожкин?

— Песо, хозяин.

— А сколько просишь за все?

— Не знаю, хозяин, надо бы сосчитать.

— Я их покупаю все по пятьдесят сентаво за дюжины.

Делая это предложение, он завладел корзиной и поставил ее на пол с внутренней стороны прилавка.

— Давай с ума сошь, хозяин, они же не красные!

Служащий настырился, повторяя:

— Пятьдесят сентаво с корзиной — и все!

Плачу немедленно.

Тем временем мой хозяин осторожно вынимал из корзины самые хорошие яйца и клал в карман. Пока я созерцал эту невероятную сцену, служащий снова поставил на прилавок облегченную корзину и гневно воскликнул:

— Хорошо, хорошо, оставь их себе, пусть дураки платят по цене!

Я не мог опомниться от удивления. Если бы не хохот, прозвучавший в магазине, я решил бы, что все это мне привиделось. Мысли мои смешались. То, что я считаю невозможенным, закораблялось. Этот неподражаемый способ снижения в доме Пираяна в К^о показался мне не совсем гармонирующими с его серьезностью, несущестью и т. д. Но, учитывая его экономичность, я не мог не согласиться, что он был непрекращенным.

Вот уже несколько часов, как я с усердием работала, когда послышалась голос хозяина, звавшего меня. Я поспешила на зов.

Лавка была полна покупателей, и хозяин с продавцом были завалены работой. Мне помочь, как новичку, ограничила тем, что я освобождала прилавок от лавины разбросанных на нем товаров.

Деятельность сеньора Пираяна меня изуми-

ла. Он раскраснелась, и его живые глазки сверкали, как угли. На все это был подводящий ответ и острое словцо, заставившее меня замолкнуть. Его красноречие было неизмеримо и его молодичий голос принимал самые различные intonations, переходя от заученной и приторной вежливости к самой чарующей простоте. Его позовончик, казалось, вот-вот переломится. Он задерживал покупателя шуткой, новым предложением, выгодным снижением цены. Но что меня особенно изумляло и ошеломляло, так это его самоуверенность и спокойствие, с которым он заправляла двадцать за то, что стояло пять, и благовонийный экстаз, с которым он казался, что хлопотливо-бумажные ткани — это дерево, которое несет плоды без капли промеси. Все эти товары аукциона, как и последней моды, почти ничего не стоят, они специально изготовлены для фирмы. Слушая его, казалось, что весь промышленный мир планеты измывал на «Серебряную удоочку», с нетерпением ожидая указанного относительно рисунка и цвета ткани, служивших образцом хорошего вкуса во всем свете.

Когда какой-нибудь клиент находил, что ткань неважная, и просил что-нибудь получше, он, стукнув себя по аюсу, воскликнул:

— Кстати, мы только что получили товары специально для фирмы!

И, взглянув на превосходные качества ткани, скривив марку. Он наклонился за прилавок, через мгновение поклонясь с тем же товаром и положив его перед покупательницей, говорил ей с убеждением, вспыхнувшим глубокую веру.

— Это уж нечто совсем особенное, лучшее, что есть в городе. Посмотрите, какая широка, какая мягкоть, какая прочность!

И, вспомнив скромные превосходные качества ткани, кончил тем, что заправлял видов против ее цен.

Когда покупательница собиралась уходить, унося за тридцать то, что не хотела брать за двадцать, он, потирая руки, говорил ей добродушно:

— Пристыдно иметь дело с людьми, которые разбираются в товарах. Вас, сеньоры, не проводите!

Покупательница улыбалась, довольная собой, и гордо удалилась.

Этим утром, оглушенный бурей криков и противоречивых приказов, я совсем потеряла голову. Крики: «Не это, болван!», «Не оттуда, осел!», «Тебе говорю, не то, скотина!» — сыпались на меня, как град.

Благодаря положению коменса, и вернувшись во временные каникулы, я вернулась в рабочий телом и еще более разбитой душой. Но воля моя была неистребима. А лучше терпеть это, чем блуждать по улицам с глязами, повторяя знакомое: «Сензор, я пришел по объявлению...»

После завтрака мы узнали новость. Сеньор Пираян должен был немедленно уйти. Перед уходом, обращаясь к продавцу, он сказал, указывая на меня пальцем:

— А за этим следите. Это тупица, который все делает ширпотребом.

Хотя рекомендации и определение не очень льстили мне, я обрадовалась перспективе этого краткого отпуска, который предменяло отсутствие хозяина. Но моя надежда сразу же развеялась при виде сеньоры Пираяны, которая проводила мужа до двери, поставила перед прилавком стул, села на него с величественной осанкой, бросила взгляд королевы и, выйдя моментом, сказала мне:

— Идите сюда, возьмите веник и подметите. Просите непринужденно зайти в магазин!

Я покраснела до корней волос, но, согнувшись спиной, взялась за веник и стала кротко подметать.

Энергичный голос хозяинки остановил меня:

— Кто так подметает? Где вы этому научились?

Я не ответила, и мое молчание, казалось, обозлило величественную матрону. Сидя в центре поднятой мной густой тучи пыли, она продолжала наставлять меня строгим, полным достоинства голосом.

Бланшетальная дама надоела продолжила бы свою фразику, если бы возвращение ее мужа не положило конец этой сцене.

Вид хозяинки мое внимание. Он казался очень озабоченным. В тишине он прошел

через магазин и исчез во внутренних комнатах. Ещё жена подслушивала за дверьми. Впервые после моего вступления в этот дом я и мой коллега продавец оставались наедине. Он был среднего роста, хорошо сложенный, широкоплечий юноша. На нем было видно крестьянину, простого и хитрого одновременно.

Я подошел к нему, желая завязать разговор.

— Вы обратили внимание на сеньора Пирайна? Кажется, с ним случилось что-то неприятное. Плохие дела, вероятно.

Не глядя на меня и не прерывая работы (он упаковывал движущимися носовыми пластиами, кладя на восьмью пластины одинакового сорта: четыре иншего, четыре — волнистые и т. д.), он отвечал: — Да, конечно, от первых пареней ответил:

— Кто знает? Я ничего не видел!

И бросил украдкой взгляд на внутренние поком, поспешно сказав:

— Идите работать. Мне запретили разговаривать с вами.

Я смерил его с ног до головы презрительным взглядом и отошел. Эти первые слова, которыми мы обменялись без свидетелей, остались у меня тяжелое впечатление. Кто был этот человек, откуда он пришел? Единственно, что я о нем знал, — это то, что его звали Хосе, дядя Пепито для постоянных клиентов. Несмотря на отсутствие опыта, до меня дошло, что это — запрещенный между нами недоверие, не дать обходиться для защиты и нападения на общего врага, то есть хозяина.

После недолгого отсутствия сеньор Пирайна снова появился за привалом, занявшись канинтурой с обычной развязностью и пустословием.

Прошло еще два дня, а мое удивительное не двигалось с места. Занятый большой частью для самими тяжелыми работами, я не расплатился временем, достаточным для достижения труда-ного искусства продавца.

Я часто смыкался разговоры, что для того, чтобы быть коммерсантом, у меня нет самого необходимого — признания.

И это действительно было правдой. Иначе члены семьи, тоже из этого дешевого испанского города, альхамбранский мое лицо, когда под взглядом Аргуса — коэзона я был выпущен говорить, что белое — это черное, и наоборот — белое и что то, что стояло десять, стоит двадцать или тридцать. А это стыдливое занятие при объявление результатов измерения куска материи, опускание глаз, чтобы не встретить взгляд покупателя! А эти находившие на меня непреодолимые порывы бросились догонять беднягу покупателя и сказать ему, возвращая деньги: «Возьмите, это выше, я ошибся в цене!» А моя ночная коммариа!

Все новые открытия на службе заставляли меня думать, что я ее недостоин. Но других мыслей, еще более прочных, парализовала моя страхи к нему.

На конец я решил место пребывания в доме и решить, что у него время узнать, составив али ходзин свое суждение о моих способностях и мог ли я ладить надежду получить место с привычным вознаграждением. Я решил использовать первый удобный случай чтобы объяс-

ниться по этому поводу с сеньором Пирайном. Но каждый раз, когда я приближалась к нему с этой целью, его взгляд приводил меня в замешательство, и я, струсив, отступала, а ум: «Потом». Прошел день, а я так и не сделала этого шага.

Вечером, когда закрыл магазин, я обновила коллекцию образчиков витрины, мисс в голову пришла спасительная мысль.

«Сейчас», — подумала я, — «он один, занят своей корреспонденцией. Пойду спрошу его, убрать ли красные галстуки и заменить их синими, под этим предлогом разъясню разговор и во что бы то ни стало переведу его туда, куда мне нужно. Я буду думать, если не выбру у него определенную сумму».

Решившись, я вошла в коридор за магазином, в конце которого была дверь, ведущая в кабинет хозяина. Я не ступнула и не скользнула по коридору, как до моего слуха донеслись звуки склонившейся беседы. Я хотела вернуться, но несколько склоненных на лету фраз приводили меня к полу. Разговор, прерываемый смехом, был далек от конца.

Вот он весь, как я его услышала.

— Так ты не тратаешь ни жалованье, на гради и прочие безделушки? — спросил друг моего хозяина.

— Ну! Ни сантима. Когда мне нужен работник, я даю обещание и гарантии. Приходит ты-счи:

— Но они требуют какой-нибудь будущей гарантии, что их услуги будут оплачены?

— Ничего подобного! Я тебе скажу, как это делается: всегда выбираешь из новичков, из тех, кто делает свои первые шаги. Если они чужие в городе, — тем лучше.

— Но тогда нужно учить время, учить их, и то, что выигрываешь с одной стороны, проигрываешь с другой. Дороже обойдутся нож-чмы, чем саблы.

— Нет, нет! Поможем немного. Избранный начинает с того, что отказывается от просыпей. Сначала он настаивает, умоляет, но в конце концов вынужден сдаться, связанный руки, как теленок. Видите ему поручается самая грязная работа. Надо убить в нем чувство брезгливости.

И достоинство тоже. Хай! Хай!

— Добившись этого, можно делать с ним, что хочешь.

— Вот, вот! Но во всех случаях нужно следить за ним, потому как, бери человека компетентного и плачь ему жалование, избегаешь назойливости и...

— Да, а потом он пристает с ножом к горлу, доводя до крайности свои требования.

— Но другие тоже доведут их до крайности. Я полагаю, они не захотят вечно работать даром.

Без сомнения, но, следуя этой тактике, получается блестящие результаты. Ты знаешь, что опытный служащий, знющий все секреты, очень скоро сделает нам на шее. Он вечно недоволен, не работает с такой скоростью, как раньше, так как знает, что найдет другое место, если ехать не лучше, то и не хуже этого. И эта уверенность не дает его терпеливым. Новичок, наоборот, усердствует, чтобы завоевать место,

угощает всем и во всем. Он работает без перерыва с утра до ночи и никогда не возражает против любой работы и... не получает жалованья. Идеал, друг мой, идеал!

— Но в конце концов он должен устать, и тогда...

— Да, да. Но это предусмотрено. Надо всегда иметь двух: одного — уже имеющего некоторую практику и другого — только начинаящего. Когда первый начиняет надеяться, побегаешь ему и задержишь на несколько дней, достаточных для того, чтобы второй мог подуться. А потом есть тысячи способов избавления от него. Например, можно предложить ему смехотворную плату или сказать: «Друг мой, ваша работа мне не нравится, у вас не приятная физиономия», — или еще что-нибудь в этом роде. Осибаждаем место, даем обывальщины в газете (тридцать сантимов) — и вот тебе целая туча посетителей, готовых заменить ушедшего.

— Да, но не дать им вознаграждения хотя бы...

— А знания и приобретенный опыты ничего не стоят? Если есть, как-нибудь должны, так это, наверное, не я. Я неминхо приоткрыл перед ними занавес над сценой, и, черт возьми, мне кажется, что это чего-нибудь да стоит! И если они используют обучение, им удача обеспечена.

Я не хотел слушать больше и удалился на цыпочках, взял свою шапку, и вышел на улицу.

Какой вихрь мыслей и чувств вызвало в моей душе это неожиданное разоблачение! Самые неслепые плавы миццена мелькал в моем возбужденном мозгу.

Подождеть дома? Написать газеты об этом безакционном деле? Или же... жалобу в суд?

Несколько ходов, и я оказался в альхамбре уничтожения. За бровью, досадой и унынием посыпалось сплюхивание. А его фраза: «Я неминхо раздвину перед ними занавес — заставил меня понять, что это злосчастное приключение никому меня научило. Да, занавес приподнялся. Я броска последний взгляд на «Серебряную удочку», на которую, вероятно, еще много простокут клонут, и пошел по пустынным улицам.

Перевод с испанского
Г. МИЛЛЕР.

МРУГАЙ СТУРУ ДОБУСА

Серия «Глобус» приглашает вас, уважаемые читатели, за свой «ирогайский стул», где вы встретитесь с видными советскими журналистами-международниками. Разговор будет идти о событиях закончившегося 1960 года.

Итак, разрешите представить участников нашей сегодняшней встречи: ведущий — обозреватель газеты «Известия» — Мало СТУРУ, редактор газеты «Правда» по отдалу стран Европы — Вадим НЕКРАСОВ, редактор газеты «Комсомольская правда» по иностранным отделам — Олег ИГНАТЬЕВ, обозреватель газеты «Известия» — Валерий ЛЕДНЕВ, редактор газеты «Правда» по отдалу стран Азии и Африки — Виктор МАЕВСКИЙ.

Пространствая многочисленные комментарии зарубежной и нашей печати, посвященные итогам президентских выборов в Соединенных Штатах Америки и общий всплеск внимания к одному довольно любопытному обстоятельству. Авторы этих комментариев, промежуточные в самых различных уголках земного шара, придерживающиеся, самой разумеется, различных, а зачастую противоположных взглядов, давали, не сговариваясь, идентичные заголовки своим статьям. А именно: «После выборов — перед выбором».

И это не случайная игра слов. В этой афористической сказке основная суть проблемы, основное значение итогов кабинетных баталий, которые потрясли заокеанскую державу.

О каком выборе в данном случае идет речь? Речь идет о том, какой путь выберут новый прези-

дент и конгресс для государственного корабля Америки: направят ли они его в русло мирного сосуществования или он по-прежнему будет скитаться по волнам «холодной войны»?

К сожалению, американский избиратель не располагает правом такого выбора. Электронные машины подсчитают бюллетени, которые были поданы не «за» или «против» Никсона и Кеннеди. И тем не менее итоги выборов отразили весьма существенные сдвиги, произошедшие в недрах американской общественности, находившейся политическому курсу Эйзенхауэра — Никсона. Мне кажется, что первое было бы говорить не столько о победе Кеннеди, сколько о поражении Никсона. Кстати сказать, этим обстоятельством объясняется в значительной степени небольшой перевес голосов, который получил победитель.

Американский избиратель сделает то, что возможно в рамках так называемой буржуазной демократии. Он выбудет демократу Кеннеди незаполненный бланк. Какие же будут написаны в него, покажет будущее. Сейчас еще не время гадать на этот счет, хотя повышение курса акций военных предприятий на нью-йоркской бирже и выступление Честера Боплуса —

внешнеполитического советника будущего демократического президента — не могут не насторожить.

Мудрая французская поговорка гласит: чем больше перемен, тем больше все остается по-старому. Победители много говорят о необходимости критической политики сохранения статус quo, а вернее, костицы, которую проводило правительство Эйзенхауэра в заморских, узловых вопросах современности — в вопросах разоружения, берлинском вопросе и т. д. Да, эти вопросы нельзя больше искусственно консервировать, они должны быть решены, но решены в интересах мира и международной безопасности. В случае, если это не получится, Болгария и ее команда будут вынуждены решать эти вопросы в иных интересах, в интересах агрессивных империалистических кругов, — ничего нового за подобными переменами не последует.

Президентские выборы в Соединенных Штатах Америки, включая и те, которые происходили в этом году, часто квалифицируются как фарс, комедия, барака. Такая характеристика несправедлива, поскольку она отражает буржуазную демократию, постолы, поскольку она отражает зачастую оперативные формы ее проявления. Но президентские выборы в США далеко не фарс, когда речь идет об их международном значении. Недаром весь мир с пристальным вниманием следил за избирательной борьбой в Соединенных Штатах. Как говорил один из политиков — Н. С. Хрущев: Дион Кеннеди: «Взоры многих людей обращены к Соединенным Штатам и Советскому Союзу, так как от состояния советско-американских отношений во многом зависят судьбы всего мира». Люди мечтают о том, чтобы обе эти великие державы плодотворно сотрудничали в интересах сохранения и уро-

чения мира. Именно к этому стремится Советский Союз, именно это он и предлагает Соединенным Штатам, напоминая им о временах Франклина Рузвельта.

Бурным и сложным был прошлый год для жителей западноевропейских стран. Правда, здесь в отличие от Африки, Азии, Латинской Америки, не было эпидемий, военных вторжений, не было народных революций. Но каждая из основных проблем нашего времени находила острое выражение и во внутренней обстановке, сложившейся в Западной Европе.

Вспомним сейчас прошедшие месяцы, большую часть которых мне довелось провести в Англии, хочется отметить события, связанные с торжественной американской визитом парижской встречи в верхах. Большие надежды возлагались народами на эту встречу. Люди самых различных взглядов верили в успех парижской встречи, сходились во мнении, что мирное сосуществование не только желательно, но и вполне возможно.

Наглые провокации Пентагона,

ков гонки вооружений внутри английской лейбористской партии.

И все это за сравнительно короткий срок последних недель и месяцев. Друзья мира и сотрудничество народов в Западной Европе сейчас явно набирают силы, готовясь к серьезной борьбе в наступающем году. И надо сказать, что уже сейчас они располагают немалыми возможностями.

На днях в Москве гостила группа журналистов стран Латинской Америки. Во время одной из бесед со своими советскими коллегами журналист из Мексики сказал: «Мы внимательно следим за вашей прессой, за тем, что о нас пишут ваши газеты. Позади нас не сделали яркое замечание. В своих статьях и заметках, говоря о Соединенных Штатах Америки, о североамериканцах, вы в большинстве случаев ради сокращения называет их просто Америка, американцы». Это неправильно. Нельзя США называть Америкой, ее также путем невольного отождествления есть американский континент с Соединенными Штатами Америки с одной, страной. А не с целым континентом — Южной и Центральной Америкой и множеством других народов».

Я не случайно вспомнил этот разговор. Дело в том, что мышением, 1960 году знаменителем также ростом национального самосознания в странах Латинской Америки. Это не случайное явление. Оно стало возможным в основном благодаря успехам кубинской революции, успехам кубинского народа.

Я помню, как совсем недавно, год назад, в странах Латинской Америки была в ходу логорифмы: «Куба тяжела, страндам не конца, а все отчего?» До боя далеко, а от яныки близко». Сейчас обстановка изменилась, и эта справедливость в своем ареале логорифма теряет свой смысл. Летом этого года я летал в Чили, чтобы написать о тяжелом бедствии, постигшем чилийцев — землетрясением и военным переворотом. Бразилия разгорается с другими краинами. Когда один из них упирал его словами: «Ну и пусть яныки близко. Куба — держится!» «Куба держится!» Вдумайтесь в эти слова. Сколько в них гордости, большой гордости за маленькой страну, которая уверено борется за свою свободу, политическую и экономическую независимость!

Однако говорят, что в странах Латинской Америки очень велико влияние Соединенных Штатов Америки. Мне кажется неправильным приобретать слово: «влияние». Влияние инициативно. Когда вице-президент США забрасывает в страны Латинской Америки тухлыми поми-

дорами и яйцами, гнилыми бананами, то о каком «влиянии» может идти речь? Янки хозяинчищут во многих латиноамериканских странах, грабят их, диктуют им свою волю — это другой вопрос, но влияние США, их преступства в этих государствах находятся на очень низком уровне.

Говоря об Организации Объединенных Наций, часто упоминают о пресловутой американской манипуляции голосования. В этой организации неизвестные американские делегаты, выступающие от имени стран Латинской Америки, чувствуя себя очень неважко, становятся как-то стыдно за этих так называемых представителей, когда смотрят, с каким подобострастием они высказывают указания Уругваю, Германии и их помощников, когда в зале пленарных заседаний они ловят каждого своего партнера. На собрании сессии Совета по правам человека Ассамблеи ООН некоторые из латиноамериканских представителей выступали с трибунами ООН с нападками на Кубу, особенно после того, как 23 сентября Никита Сергеевич с глубоким уважением отозвался о борьбе кубинского народа. Мне удалось в нашем представительстве в Нью-Йорке ознакомиться с содержанием писем, которые приходили в адрес главы государства, посланные из стран Латинской Америки. Если бы вы знали, сколько было в них сердечной теплоты и слов глубокой благодарности за эту моральную поддержку, которую оказывают наше правительство и наш народ кубинскому правительству и его народу!

Куба сейчас — пример мужества и истинного вдохновения для всех государств Латинской Америки. Вот почему праявые круги США питают такую лютую ненависть к Кубе. Они, если бы могли, растворили бы в куски этот маленький остров. Если бы могли! Счастью не смеется не те времена. Сейчас не 1960 года, а 1960-й.

Я глубоко убежден, что одной из основных международной политики на наших планетах в 1960 году можно считать рост национального самосознания в странах Латинской Америки, крепчайшую уверенность в том, что они сами, своими руками смогут освободиться от зависимого положения, от дiktата Соединенных Штатов. Куба служит им наглядным примером.

Если вам попадет на глаза карта мира, изданные двадцать лет назад, не поленитесь сорвать ее с той, которая вышла из-под печатного станка в эти дни. Первая покажется вам исполненной всего в несколько красок: коричневато-серого — это оккупированная гигантами Европа, бледно-зеленая — Британская империя, фиолетовая — французские владения. Карта нашего времени пестрит всеми цветами радуги — от светло-голубого до оранжевого: на историческую арену вышли государства, сбросившие с себя цепи колониального рабства и обратившие независимость.

Много лет назад некоторые считывали себя цивилизованными государствами, другие пренебрегали ими, право называть чужие страны наименем веций или торговых предприятий. Частнособственническая психология далеко завела капитализм. Начал он с ротшильдских банков и крупнейшей стали, а кончил Французским Марокко и Британской Индией. Названия: Итальянское Сомали или Портогальское Гоа — звучали совершенно естественно для слуха благовоспитанных буржуа, хотя им показались бы чудовищными кощунством любое намек на возможность существования Марокканской Федерации или Индийской Великобритании.

Время меняется. Могучее движение народов за свободу и независимость стерло с карты мира многие позорные клички, которыми наградили их колонизаторы. Нет уже Бельгийского Конго и Французской Экваториальной Африки, Британской Нигерии и Голландской Ост-Индии. Вместо них появился — суверенные республики, рождение которых привнесли все честные народы на землю Эритреи, а также многочисленный скромный удор, но она еще не достояние истории. Еще стоят под армиями колонизаторов народы Португальской Анголы, еще синтит блд плантаторов на полях Западного Ириана и плавут сыроты в троекратных хижинах Британской Родезии. Но зоря свободы, взмыла над миром в октябре 1917 года, разогрета всеми ярче. Уже никто не может помешать окончательному кручу преступной колониальной системы. И тогда на карту мира не стоят одинацкие красок, которым добавлены новые — краски национальности и колонии.

А теперь давайте посмотрим на карту с другой точки зрения. В 1940 году мир делился на две неравные части: социалистический и капиталистический. Первый занимал тогда одну шестую земли, и население его составляло всего 170 миллионов. К 1960 году под знаменами социализма объединилась добрая треть человечества — более миллиарда людей. Другая треть — главным образом наследники недавно обособившихся Азии и Африки — только порвала с капитализмом и встала на путь нейтрализма. Лагерь монополистического капитала сильно передел. Империализм оказался в меньшинстве.

Новая расстановка сил в мире особенно нагло и открыто отразилась в Организации Объединенных Наций, пополнившей свои ряды за минувшие пятнадцать лет короля восьмью новыми членами. Девяносто девять флагов развеваются ныне перед Дворцом ООН, свидетельствуя о торжестве идей свободы и демократии. Глобальная политика американского империализма терпит провал за провалом. Ему не удалось остановить победоносное шествие колониальных

народов, смело сбрасывающих цепи со своих ног, как не удалось сохранить своих марionеток в Ираке и Южной Корее, в Лаосе и на Кубе. Он потерял позорное поражение в Японии и Турции, его трофеи — народы Латинской Америки, с неизвестностью и всплеском.

Никита Сергеевич Хрущев в своих выступлениях на Генеральной Ассамблее ООН, в своей речи перед трудящимися Москвы после возвращения из Нью-Йорка дал блестящий марксистско-ленинский анализ перемен, происходившим в мире. Все предложение, которые звучат на рассмотрение сессии, — всеобщем в полном разоружении, от окончательной ликвидации колониальной системы, о реорганизации ООН, которая должна отразить реальную расстановку сил, вытекают из этого точного и предельно убедительного анализа.

Империалистические государства пытаются помешать справедливому решению этих проблем. Ничего не получится у них. Мир переменился, и перемены — это не в пользу империализма. Свобода, демократия, мир победят на нашей планете.

Совсем недавно нам довелось совершить большое путешествие по странам Африки. Мы летели над Тунисом и Алжиром, побывали в Марокко, Гвинее, Либерии, Гане, провели несколько дней в Конго, пересекли африканский континент, очнувшись в Эфиопии, пролетели почти над всей Азией и завершили путешествие в Каире.

Перебирая в памяти все, что пришлось увидеть, услышать, почувствовать, я неизменно вспоминаю «свалку истории» в Конакри: на берегу Гвинейского залива, где белая пена волн разбивается о черные камни, где огромные плавники раскинули свои пышные веера, стоят античные, искусные — снятые с плафона французские генерал-губернаторы. Стоят спиной к Гвинее, лицом к океану, откуда пришли. Их время кончились.

Был последний час колониализма на африканском континенте. 1960 год уже вошел в историю как год Африки. Из двадцати шести независимых государств огромного континента — я считаю французскую Южно-Африканский Союз — семнадцать — обрели независимость в этом году.

Вся Африка бурлит и клокочет, словно могучий вулкан. Близок день торжества германских народов Алжира и Кении. Никакие преграды, создаваемые колониалатами, не удержат в колониальном архипелаге народы Анголы и Мозамбика.

ка, Нигерии и Родезии, Танганьики и Руанды-Уругви.

Колониализм в агонии. Но, подобно смертельно раненному зверю, он еще способен пускать в ход клыки и когти. Еще сумеет плевать португальского надсмотрщика, еще льется кровь алжирских патротов, еще изнывают в тюрьмах и концлагерях кенийцы.

И именно поэтому миллионы африканцев так горячо приветствовали Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам Африки, которая была внесена Советским представительством на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Это Декларация — обвинительный акт колониализму, характер свободы народов Азии и Африки.

Племя могучей освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран занялось от искры Великого Октября, и мы, советские люди, от всего сердца

радуемся освобождению Африки. Но мы должны отдать себе отчет в том, что борьба за подлинную свободу Африки не только не закончена, но и только начинается.

Народам Африки предстоит преодолеть тяжкое наследие векового колониализма: экономическую отсталость, нищету, негромотность, болезни. Им предстоит преодолеть наименование народов Африки — императоры Англии и Франции, Бельгии и Португалии.

Но, к подлинной независимости, — труда и усилий и событий в Республике Конго — пришло самодержество. Колонизаторы хотят разработать эту многогранную страну, чтобы сохранить в своих руках ее богатства — источники бесконечных прибылей монополистов. Народ Конго подтверждает тяжким испытанием. Но историю не повернуть вспять: правое дело конголезского народа побеждает.

Советский Союз, страны социализма — верные друзья народов Азии и Африки. Всему миру известен Бхиман. Вся Африка смотрит на строку высотной Асуанской плотины.

Я вспоминаю наших врачей и сестер в Адис-Абебском госпитале, наших молодых учителей в колледже Конакри — этих самоотверженных и бескорыстных поисковиков болезней и безграмотности, — этих первооткрывателей «африканской целины». Их скромный труд — поистине труд геройский, достойный подражания.

И еще один этот 1960 года, о котором мы не можем не упомянуть — открытие Университета друзей народов в Москве — пузатых национальных кадров для стран Азии и Африки. Это — новое свидетельство миролюбивой политики Советской страны, серьезный удар по колониализму, полное крушение которого неизбежно.

«Смена»: Как Вы оцениваете прошедший 1960 год?

Э. Гевара: Этот год был бурным, неожиданным, непривычным для империалистического и всего мирового. Для нас же это был год окончательной победы нашей революции. Мы довольны годом.

«Смена»: Чего Вы ждете от будущего 1961 года?

Э. Гевара: Будущее — дело рук людей настоящего. Мы полны решимости защищать наши революционные завоевания, нас не подкупить, не запугать.

Мы переживаем то, что вашей стране пришлось пережить в семидесятом году. Но тогда мы были сильны в своей борьбе с международным империализмом, а мы нет, мы имеем не только моральную поддержку тружеников всего мира, но и прямую помощь самого Советского Союза.

Вы сами понимаете, что с этим кое-кому приходится считаться.

«Смена»: Что Вы можете сказать о днях, проведенных в Советском Союзе?

Э. Гевара: Очень много, даже слишком много для одного интервью: ведь поездка в СССР — это не только посещение другой страны, но и другого мира, поездка в будущее. Я буду краток: моя поездка была спутником ваших дел. Я восхищен трудолюбием, пылкостью, ювенальностью наших молодежи. Я глубоко взволнован и тронут приемом, который нам были оказаны нашими людьми, нашим правительством. Я был рад снова встретиться с Никитой Хрущевым — искренним другом Кубы.

«Смена»: Не хотелось бы передать что-нибудь через наш журнал молодежи СССР?

Э. Гевара: Громадный привет от молодежи Кубы. Нам радостно сообщить, что мы имеем таких замечательных друзей в лице советских юношей и девушек. Передайте советской молодежи также наши заветы в том, что мы доведем нашу революционную борьбу до конца. Наш взгляд Хосе Марти всегда подчеркивал, что необходимо иметь цель жизни, и в движении к ней, борьбе за нее — есть высшая радость человека.

Цель нашей жизни — победа Революции. И мы счастливы в борьбе за нее!

Фото К. Винищевского.

Эрнесто Че Гевара:

«Я восхищен трудовыми подвигами советской молодежи!»

Интервью «Смене»

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЁЖЬ 1960

Посланцы Ленинского комсомола успешно выступили спортивными первыми в первой очереи Юного горнообогатительного комбината в Кривом Роге.

Слово, данное комсомолом на XIII съезде ВЛКСМ, выполнено: крупнейшая железнодорожная магистраль страны — линия Москва — Иркутск — электрифицирована.

Свинярка Татьяна Пересильская из Омской области, поздравлена с прекрасными достижениями Никитой Хрущевым. Татьяна Пересильская взяла на себя дополнительное обязательство: откормить в 1961 году 12 тысяч свиней.

Орден Героини Кубы — награда главной советской молодежи. Участники IV съезда Социалистической молодежи Кубы, учреждаемого этот оргкомитетом, ежегодно получают орден Татьяны Пересильской за заслуги в деле построения самого прекрасного и справедливого общества на земле.

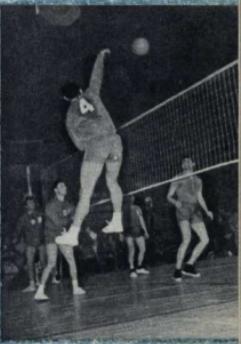

«Производству цемента — комсомольский «контроль»» — заявляют молодёжи страны. И эти яркие бригады «легкой кавалерии» комсомольских штабов взяли под свое наблюдение выпуск «хлеба промышленности».

Киевский театр оперы и балета показывает новую оперу композитора Г. Жуковского «Первая весна», рассказывающую о первых покорителях целины. С огромным успехом прошла эта опера в Москве во время празднования 100-летия украинской литературы и искусства.

Блестящие золотничики спортивных гимнастик в женском и мужском классах команды СССР стали чемпионами мира.

КУБА ВОЛШ

Б уратинно сказал: «Крекс, фекс, пекс» — но волшебное деревце не выросло. Но помогут волшебные слова и художнику-сказочнику, которому нужно нарисовать дерево. Чем дальше — тем лучше! Другой замок. Я сам иллюстрирую детские сказки и потому хорошо это знаю. Некоторые считают, что если художник рисует то, чего не бывает на самом деле, то он все выдумывает. Это не так. Прототипом злой ведьмы Гингемы может оказаться соседка по квартире в свое время я

ЭММА ФОКИНА РАСКРАШИ-
ВАЕТ «ПЕТУХА».

НСКИЕ ЕБНИКИ

Из блокнота художника

встретил лапу Карло прямо на Тверском бульваре.

Без знания жизни, без множества начиний нельзя иллюстрировать книгу, даже если это детские сказки.

Должен признаться, в последнее время я почувствовал, что засиделся дома, что пора пополнить свой багаж новым «волшебным» материалом. Да, да, именно «волшебным», я не оговорился. Ведь каждый отбирает то, что ему нужно, а наша деятельность настольных мастеров настолько интересна, что в ней есть все, только суметь увидеть.

И вот я в Краснодаре. Город одет в золотистый убор, ярко светят солнце. В троллейбус: вошла группа девчушек. Из них оживленного разговора я понял, что они сегодня первый день работали на фарфоровом заводе, построенном в Краснодаре в этом году. Мы разговаривали. Галия Шарикова окончила десятилетку, мечтает учиться на художника. Я был преподавателем, как ее мама. Но учиться она будет вечером, а днем работать формовщицей. «Почему именно на этом заводе?» — спросил я.

— Очень там интересно, завод новый, и молодежи много, и цветы вокруг... — посыпалось на меня со всех сторон.

Право скажу: сагиттировали они меня.

Во дворе завода среди цветов стоят щиты с поздравками. На первом начертаны минирусские слова: «Пусть люди люблются красотой. Это их делает прекрасными».

Кажется, я попал туда, куда нужно.

Все, что начинает выпускать завод: и фарфоровые статуэтки, и сервизы, и сувениры, все начиная с единичных экземпляров, было создано группой художников и скульпторов, работающих в художественной лаборатории. Вот к нам-то, и своим коллегам, я и решил заглянуть прежде всего.

Представьте себе длинный светлый коридор, направо двери в мастерские художников; музей фарфора, где в стеклянных шкафах бережно хранятся лучшие образцы изделий; богатая библиотека специальной литературы... Представьте и наружу, но ее, к сожалению, нет. Но будет, когда построят корпуса второй очереди комбината. А пока все одиннадцать художников, и музей, и библиотекаются в одной маленькой комнатушке.

Когда я вошел, художники, похожие в своих белых халатах на врачей, исследовали какой-то осколок тарелки, испещренный цветными знаками. Слышились странные звонкие слова: «соли

смоляных кислот», «люстры», «подглазурные краски».

Долго думали художники над эмблемой своего завода. Сейчас белокрылая чайка — символ близости, легкости и изящества — стоит на донышках всех изделий Краснодарского фарфорового завода.

Понравился мне чайный сервис с этим названием — «Чайка». У чашки был волнообразный, изогнутый край и анатомически правильные изгибы. Белокрылая поверхность резко рассекала островерхую чайную чашку. Серая «Чайка» — работа Людмилы Никифоровны Павловой. Чувствуется, что эта молодая, энергичная женщина с живыми серыми глазами — душа коллектива. И только разская, строгая морщинки между бровей говорят о том, что не так-то просто быть главным художником большого завода.

В коридоре, передней, вешая плащ, я чуть не обжегся о небольшой ящик.

— Это печь для обжига керамических красок. Муфель, как мы ее ласково называем, — объяснила мне Людмила Никифоровна. — Сейчас вы познакомитесь с ее работой.

Николай Турков, черноволосый парень, как раз заканчивал рисовку большой чайной чашки — на которой разноцветной подпись «Нацелившись на чистоту, Николай делал кругой поворот станка — и вокруг чаши ложилась равная полоска отводки».

Людмила Никифоровна открыла дверь муфелька и осторожно поставила в печурку бледно-белую чашу и еще несколько смешных фарфоровых утят с красными лапками.

— Через два часа увидите готовые изделия, — сказала она.

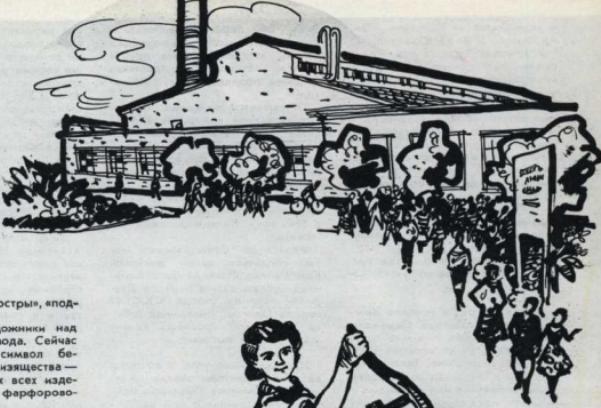
Два часа прошли быстро. Мне было интересно пересмотреть, что получится после обжига. Ноэ изогнувшись заметно раздражили и сами авторы. Ведь художнику всегда не терпится увидеть результат своего труда: иллюстратору — сигнальный экземпляр книги, керамисту — первую чашку.

Наконец, образцы вынули из печки. Лапки утят стали ярче, ободок на чаше засиялся золотом.

И я не удерялся — попросил дать мне непрекрашенную тарелку и краски. Еще через два часа я держал в руках «свою» тарелку. Выглядела она совсем непривычно. Краски расплывались, кое-где полоски были.

Оказалось, все не так просто, как кажется. Видимо, мало быть художником вообще...

В тот день Николай Турков остался после работы. Остались

ВАЛЯ РОМАНЧА СТАВИТ МАРКУ ЗАВОДА.

НИКОЛАЯ ТУРКОВ
ОТВОДИТ ЗОЛОТОМ САЛАТИЦУ.

и «две Эммы из Одессы»: — Эмма Фокина и Эмма Юрченко.

У Николая Туркова есть замысел — успеть сделать к городской молодежной выставке декоративное блюдо «Березка». Эмма Юрченко и я работали для скульптур «Выезд в танцы», а Эмма Фокина заканчивала краску настольной лампы.

Надеюсь, как ловко Эмма Фокина орудует истинной, я вдруг заметил на ее большом пальце колечко.

— Почему эта девушка носит кольцо на большом пальце? — спросил я у Людмилы Никифоровой.

И Людмила Никифорова рассказала мне историю этого кольца.

Вот она:

«В первый раз я увидела Эмму в кабинете директора. Скоромна, даже застенчивая, она мне сразу понравилась, и я согласилась взять ее в наш коллектив. Талантливая художница, активная комсомолка, Эмма определила мою надежду. Как-то меня спросили: «Почему ваша художница носит кольцо на большом пальце? Что это, новая мода, новый стиль?»

Мой вопрос о кольечке смущил

Эмму. Она перестала работать и долго сидела молча, не поднимая головы. «Надень его на другой пальцы», — осторожно предложила я. Эмма подняла голову: «Никогда!»

Оказывается, во время Великой Отечественной войны ее муж на фронте, отец погиб. Эмма хотела золотое кольцо складо со всех пальчиков и только на большом пальчике оно еще могло держаться.

Подполковник Александр Севастьянович

Фокин логик в Польше в 1945 году. Кольцо осталось как память.

Александр Севастьянович мог бы гордиться своей дочерью. Комсомолка, комсомолка борется, чтобы сделать взят в подарок Двадцать первому Съезду КПСС от города Одессы. Дипломная работа Эммы экспонировалась на международной выставке...»

На следующее утро я вошел в кабинет директора завода. Следом за Александром Никитичем Поплавко. Кое-что я уже слышал о нем от комиссара Вячеслава Фисенко. На днях состоялось общее собрание, на котором присутствовали все 400 комсомольцев завода. Выступ-

ший директор. Он говорил о том, что молодежь — настоящий хозяин завода, о том, что комсомольцы своим руками возводили заводские стены и теперь должны жить работать так, чтобы завод стал предприятием коммунистического труда.

Слово директора передала мне Эмма Фокина.

Директора я слушала первый раз, — сказала Эмма, — я была понастoisьем автолюбителем. Он как-то сумел сказать нам самое главное о нас самих. Говорят, он пишет хорошие стихи...

Даже если бы я не знал, что Александр Никитич пишет стихи, все равно его можно было бы называть поэтом. Сам дух завода, настороженность молодежи, ее любовь к разговорам, цветы под окнами чехов и в санях цехах — все говорило о том, что во главе коллектива стоит человек, горячо любящий свое дело. Человек, понимающий искусство, понимающий, что задача завода не просто выпускать тарелки для еды, но делать красивые и удобные вещи для народа.

Из-за стола протянула мне руку невысокая девочка с подкупающей улыбкой.

Пойдемте, я покажу вам завод, но сначала взгляните на этот проект! — И он подвел меня к рисунку на стене, где был изображен весь комбинат, каким он будет через несколько лет. — Видите, светлые корпуса, и всюду зелень — цветы, деревья. Это будут двери труда, двери счастья!

В коридорах, покрытых гранитными катками дробились полевой шпат и кварц. Затем в шаровых мельницах смесь размалывалась и просеневалась через сита, настолько часты, что вода и та через них не льется. Из цеха, где выпаривается фарфоровая масса, днем и ночью слышится гротоз машин. Упаковщики — комсомолки Колячек, Толя Шестаков и другие. Придя на завод, ребята не умели делать фарфоровую массу, а теперь в своем цехе они один из самых умелых и знающих.

На секунду гротоз прекратился, остановились огромные барабаны. Толя Шестаков подставил деревянную лестницу и полез наверх.

Я быстро добрался сам планировать с Толей, поднявшись на второй этаж, «Одну минутку» — закричал я Толе, обхватив гусином перо в чернильницу и приготовился рисовать.

— Он у нас молодец! — заметил директор. — Недавно пришел из армии, а выполняет норму на 125 процентов. Рисуйте, рисуйте его!

После формовки и обжига изделия получают живописный цех. Чтобы сделать посуду еще красивее, художники-исполнители наносят на чурикне края тарелок краски — окисли металлов. Применяется и настоящее золото. Я подошел к одному из художников. Его задача была очень скромной — ставить красивые точки на тарелке. Но делал он это на кисточкой, как логагает, а сплошной. И этой небольшой рационализации почти удалось свою выправить болтушку.

— А вот здесь рождается наша «Чайка», — сказал Александр Никитич.

Миловидная девушка маленьких шатлыком ставила на донышко тарелки марку завода.

ЛЮДМИЛА КРАМСКАЯ ФОРМУЕТ ТАРЕЛКИ.

ВАЛЯ РОМАНЧУК У НАС САМАЯ ГЛАВНАЯ на всем заводе, — шутливо сообщил директор. — За всех нас отвечает, за всех нас ставит пример.

Через несколько дней я прошлся с новыми друзьями. Увозил с собой из Краснодара много набросков и зарисовок. Я побывал там, где хотел, — в волшебной стране интересных людей, в стране упорного, вдохновенного труда.

Л. ВЛАДИМИРСКИЙ

ЗАКОН НАШЕЙ ЖИЗНИ

Артина... Край далекий, суровый, неожженый. И люди здесь особым образом скромны, честны, людом сильны, помыслами чисты. Не в погоне за длинными рублем простили они счастья на берегах реки, оставив за тысячи километровым простором туда родную Большую землю. Только не вчера ли грустившие азартистами и романтикам — может покориться природы. Только им под стать Трудный путь именем Степана Грохотова — цветение Родины. Они, эти люди, собрались на маленький экипаже, чтобы вспомнить строительство артистического порта.

В их жизни должно произойти нечто важное. Вспомнили строителей с волнением ожидают приезда нового начальника. Как хороши были умы и умы и опытным руководителем, настоящим человеком другом, товарищем советовали и подсказывали приемы. В ответ на радостное приветствие зимовщикам. Бут недовольный, измученный, сбит с ног шум речет воротничок кителя, и глухо говорит: «А людей надо было построить!» Так сразу же ему и его спутникам — Бармер отступили.

Это сцена начинается спектаклем Малого драматического театра «Закон зимовки» по одноименному рассказу Бориса Горбатова. Пьеса эта получила успех у столичных зрителей. Гремят злоподдисменты. Зал единодушно откликается на заслуги автора, актеров, игру актеров. Зрители смеются, зрители негодуют, перекинаясь с бараньими копченостями. Но заслуга в том принадлежит не только режиссеру А. Гончарову, сумевшему выразить в спектакле артистический ансамбль, не только молодому А. Кочеткову — популярному киноактеру, сыгравшему роль Бута в сложной роли Бута, не только композитору В. Мещерину, чья превосходная музыка, яркое сияние, музика «ведет» и сияет, вызывает воодушевленные картины «Закона зимовки», но прежде всего умничательной рукой самого «драматической композиции», ее глубокой идеейности, потрясающей силой, сущностью оттенков «сердца» зрителей.

В «Законе зимовки» мы вновь видим Бориса Горбатова, умного, тонкого филолога, драматурга, писателя, чьи отрывки из «Сердца» зрителей. Пьеса эта остроинтригантская. Бут — это злобный зимовщик, Бут — и Степан Грохотов. Наконец, Грохотов и зимовщики. Тановы три племени. Бут — падает, сухаре, своеобразный человек в футляре, с птицами на плечах. Бут — это и его сердца (да и горят ли они!) скрыт за панцирем равнодушия к людям. И в этом панцире, в этом коконе из бабочки, человек мужества и самовершенствования, предан долю, со знает, что в этом панцире, в этом великолепии справивается со своей ролью. Его Бут харктер целился, труслив, ленив, бледен, слаб, слабак, пленительный строитель. Это смелые, душевные люди высокой самостоятельности и нравственности. Их простота, веселость, юдже-

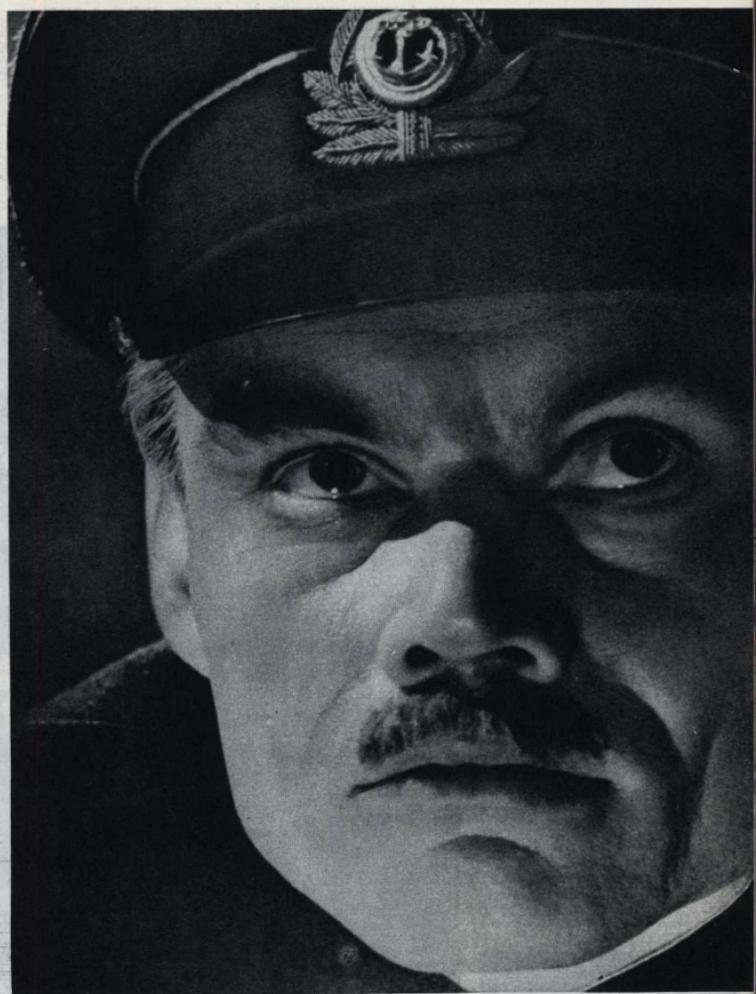

Фото М. Муразова.

ОБРАЗ БУТА — БОЛЬШАЯ УДАЧА МОЛОДОГО АРТИСТА А. КОЧЕТКОВА.

новенность, отзывчивость противостоять бесправности, «прозависимости» Бута, выживавшего, борясь за национальную рабью него самого, с тем, чтобы он верил им, чтобы возвращающиеся его люди он видел не только «подчиненным» и «слугами». Но если парторг Караев (актер С. Соколовский) и мандрагора Ленку (артист Л. Богданова) движут в этом стихийном характере, то Степан Грохотов, вышедший у прораба Степана Грохотова (артист С. Соколовский) сугубо личной идентичностью, — это Бут, скрывающий «изнуренную» Бута с пьедестала руководителя страны, вернувшись себе самостоятельную роль «вожака» зимовщиками.

Кто он, этот Грохотов? Бровяги, чешуйчатые «глазки» — чужака, колентые советских людей. Бут отстраниет Степана от должности прораба. Начальник погоняет зимовщиков, выгоняет их от «голого короля», а те терпеливо и искренне сражаются за ульи Бута. Их глаза, как и чучела в местах в «рабочем стране».

Обезумевший от злости Степан поднимает топор на голову Бута. Чуть склонувшись, не отступив, внешне спокойно стоит Бут перед зрителями.

Чем не дикониндоновская ситуация?

Вспоминается рассказ Леонида «Однаждыная сторона». Север, два клондайкских золотоисконика,

ушла. А зрители запоминают ее невольный порыв к Буту, ее взгляд, в котором светится нечто большее, чем дружеское участие к этому в общем-то славному человечку. Может быть, любовь?.. Эта сцена, безусловно, одна из лучших в спектакле.

Но начальник еще не окончательно «пришел к зимовщикам». Он еще сомневается, сможет ли суд по всей строгости и справедливости разоблачить Грохота. Но обернется ли суд над Степаном его торжеством над Бутом?

К сожалению, финальная картина суда выглядит менее убедительно, чем спектакль в целом. Видимо, недостаток драматургического материала не позволил режиссеру и актерам превести ее в

блеском, глубоко и разверзно. Скороговорка, распльвчатость ми-
ланцев, покалуй, даже досады на
поверхность обвинительных
вступлений — никому не сим-
вовет. Часто чувствуется
стабильность, динамичность и продуц-
тивность концовки. Но когда Бут по-
сле осуждения Грехота поднимает-
ся со стула, чтобы держать слово
перед товарищами о своих забытых
делах, то это — как будто волнистое
и долгоплавное «ардузя», зри-
тель сквозь которого видит человеческую
теплоту и гражданский пафос
спектакля.

руководитель, их товарищ. И пусть погибла его любимая национальная птичка не выделывала холода, но это не стопорило венецианца в ее хозяинину по сравнению с большими частичками, которое обрел Бут в кругу простых людей — искателей счастья и любви. И пусть венецианские мантиканты, для которых ленинское правило «все за одного и один за всех» соединяло сущность жизни — борьбы, труда, а также сущность — неотъемлемая часть великой земли — Советской страны, — зря покидали родину, тем более, который изволил написать рассказ одну из правдивых историй нашей эпохи о человеке и коллективе.

Кирилл ЗАМОШКИН

ПРОРАВ ГРОХОТ — АРТИСТ С. СО-
КОЛОВСКИЙ.

Так, по-новому, с позиций современности, глубоко проникнув в существо нашей действительности, решают тему этого своеобразного треугольника писатель и театр. Тот самый случай, когда «третий» становится не «лишним», а главным, определяющим...

Жизнь Бута спасенна. Старый рабочий А. Ширинко, драматург (II) первым бросается на Степана и оставляет на преступную руку Экзекуционара. Степан говорит ему: ему не место на стройке, где все подчинены одному — благу страны, нации. И вспоминает он прошлую, предков, взволненный для помнить идеи пьесы разговор между Бутом и Еленой. Девушка пытается раскрыть тайну, скрывающуюся за орумянующим ее жизнью, людем, Ведь эта жизнь состоит не только из забот, проблем, призов и распоряжений. В ней есть и другие люди со своими мечтами, различиями, стремлениями... Канешто, Елена, говорит она, глядя в сердце будущего. Да, она тоже мечтатель, тоже романтическа. Синуло, не зная, что это значит, начинает читать вслух стихи, которые старый строитель эмбониты и гордится ими.

— Да засмейтесь же! — кричит она.

И впервые лицо Бута озаряет добрая улыбка. Он даже смеется шутке Лены. Но девушка уже не видит презрения начальника: она

В РОЛИ ГИДРОЛОГА ЛЕНЫ АРТИСТКА Л. БОГДАНОВА.

Пионер Е. Шакирова

У меня был хороший друг, и звали его Янис Донини. Мы, наверно, помните Яниса Дониниева, Ианку? Ну, того, что всегда был душой общества, улучшим запевалой, отличным пантомимистом, веселчиком и лучшим рассказчиком анекдотов, самым острумым тамадой?.. Там в знаменитом зале Яниса Дониниева. Но я знал и другого Яниса Дониниева — сердечного и расудительного, строгого театрала, который собирал в своем великолепном прошении всяких артистов и писателей. Мы встречались с ним каждый вечер. Либо мы сидели вместе в театре, а после спектакля из чашкой кофе обсуждали пьесы, либо брали по паркам и толкались о стихах Оскара Уайльда, драматургии Приюда или о новых «Бомбах» по полемике литературной критики. Летний отдых мы обычно проводили вместе на берегу какого-либо озера, купались и жарились на солнце, ловили рыбу и раков, которых ту же варили на костре, рассказывали друг другу подивильные или вымышленные охотничьи байки. Жили мы в пластике и радовались от души тому обществу, что не принадлежало к одному месту. Одним словом, мы не дачники и москвичи, горячие поклонники романтики, можем

Только сейчас до меня дошло, что говорю я о Янке, о Янисе Донинише в прошедшем времени. Вы уже, наверно, разволнивались, решили, верно, что Янка, Янис Дониниш, может быть... Не волнуйтесь, Янка жив и здоров. Только дело в том, что он... строит дом.

— А я,— говорит,— здесь местный житель. Вот, взгляните, картофель этот сам вырастил. Проси покорнейше отмазать.

— Итак, по рукам: картофель твой, рыба наша! — воскликнул Янка и вытащил из лодки наш улов — три удивительные щуки.

Внесли лодку на берег. Пока отпрыски Сукупов чистили картофель, а его жена Жарилыбай, сам Сукуп повел нас осматривать хозяйственную часть. Прежде всего он показал нам свой пятикомнатный дом, построенный по экспонатному проекту, облицованный красивым гранитом, с большими окнами, под железной крышей.

— Просили мы по чистым и красным комарам, а потом хозяин повел нас в теплицу. В ней, правда, ничего особенного не было, так как урожай был уже давно снят. Самым читательским было показанье рассказ про эту теплицу: она первый же год, отпразднав весенний венок капитала. А в следующие годы... Да что там говорить! Сухур ни капеек из своего железнодорожного пострадал на дом. «Весь дом, — мимо построил теплицы, — на этом Сухур и закончился».

сное повествование.

Сад. Ну, сад был простой византийской. Каждая пядь земли в нем была использована со знанием дела. Меж сливами и яблонями — аккуратные грядки клубники, моркови, огурцов и помидоров. На кучах компоста огромные тыквы, а вдалеке забора, как живая изгородь, ви-

— Великолепно! Просто великолепно! — восторгался Янка. — Настоящий японский сладок!

— Нравится? — снисходительно улыбнулся Сукур.
— Да это рай! — прошептал он.

— А главное, это тот рай, из которого тебя сам чёрт не вынесёт! — подтвердила Сукура. А знаешь, ты ведь тоже мог бы такой дом себе построить... неожиданно добавила она. — Здесь рядом есть свободный участок. На него, правда, зарастёт какой-то оперный левец, но мне, по правде говоря, хотелось бы иметь менее шумного соседа. Знаешь этих певцов... Как начну свои гаммы тянуть, так стекла задребезжают.

— Да где мне! — со вздохом выговорил Янка.
И весь вечер, пока мы катались по озеру,

Янка только и делала, что говорила о доме и саде. А вечером, когда мы автобусом возвращались домой, Янка почти уже решила вопрос о строительстве своего собственного дома. Прощаясь, она сказала мне: «Надо писать заявку!»
— «Буду писать!»

— Я сбегаю в автомат, надо позвонить Сукуру, — протараторил он — и был таков.

В дальнейшем все совершалось с головокружительной быстротой. С помощью Сукура участок достался не певцу, а Янке.

В дальнейшем беседы наши протекали примерно так: я говорил Янке, что в следующее воскресенье открывается художественная выставка, он отвечал, что очень жаль, хотелось бы посмотреть, но времени нет: что ни говори, ведь нужно вымыть фундамент под дом. Когда я сообщал Янке, что в книжном магазине появилось второе издание «Любви» Мицкевича (первое издание Янке не удалось достичь), он с грустью отвечал, что ему придется прервать

Скажите, вы раньше могли бы представить себе день рождения Лигиты, на котором не присутствовал бы Янка? А когда я ему напомнила, что послезавтра третье сентября, Янка смутился и стал оправдываться:

— Знаешь, на этот раз я не смогу быть у Лигиты.

— Но почему же? — удивился я.

— Сам понимаешь, с пустыми руками приходить. А буханка

— Я был потрясен и ничего не ответил. Янка
стал крохобором!

Ангите я что-то сорвал, чтобы как-нибудь отпраздновать отсутствие Янки. А день рождения прошел скучно: не было душ компаний. Если кто-нибудь из вас задумал строить дом, то посоветуюсь прежде всего со мной. Теперь я до мельчайших подробностей знаю, где достать проект, как договориться с рабочими и каким путем привозить строительный материал. Всему этому я научилась у Янки Дониной, изба ее короткие митенки: что мы теперь бываем вместе, он ни о чем другом разговаривать. Всегда только о доме. А митенки эти теперь действительно нужны, так как ни в театре, ни в кино мы большими востребованы. А в театре привлекают блеск и для него я тоже не пригодна, ведь мода уходит. Если я буду знать, что же делать, если разыскать нужного мастера. Купальский для Янки будет и предлагаю Ангите, и театральмы с ней всегда ходим в кино или в театре вместе.

— Ну как, слышал? — спросил я его.
— А что именно слышал? — удивился он.
— Наша запустила ракету на Луну!
— Ну, — развязно произнес он и воротил голову, глядя в окно.

— Видел? — восторженно закричал он.
— Что имею? Ракету? — взъерошился я.

— Да какую там ракету! — нетерпеливо машина. Ёшка рукой. — Там стояла машина гружен-

ну Янка рукой.— Там стояла машина, груженная отличным тесом. Ну, привет, я высокую на этой остановке и постараюсь у них узнать, где они такой материал достают...

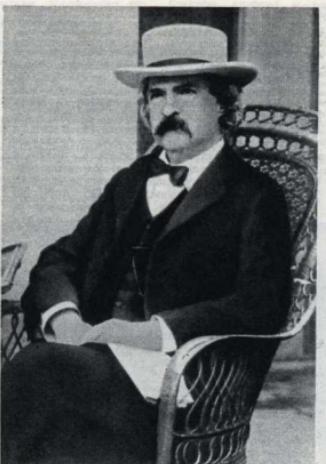
Перевод с латышского

Перевод с латышского
Татьяны ИЛЛЕШ.

Среди обширного литературного наследия Твена сохранились произведения, никогда еще не печатавшиеся, а также такие, которые не публиковались на страницах ни одной американской газеты или журнала, ни в какие собрания сочинений писателя не вошли. Их можно отнести к «Открытым письмам соотечественникам», написанным Твеном от имени некоего политического деятеля, возившегося всеми силами, чтобы избрать свою кандидатуру в президенты США. Письма были опубликованы в газете «Канзас-Сити Айорнз» в июне 1879 года, и, несмотря на формальность, имели большой интерес для истории. Автор имел в виду реальный персонаж с сильно подмоченной репутацией — Джона Бонса, бывшего баллотировавшегося в президенты в 1876 году и собравшегося снова выставить свою кандидатуру на следующих выборах в 1880 году. Подобным господам не раз доставляло утешение Твена. Не скрывая даже их имен и фамилий, в яркой, убийственной сатире писатель разоблачал политиков, чиновников, предателей и воров, преследовавших одну-единственную цель — личное обогащение.

На русском языке «Открытое письмо соотечественникам» публикуется впервые.

В. Л.

Марк ТВЕН

Ознакомьтесь с биографией!

Открытое письмо соотечественникам

Я почти окончательно решил баллотироваться в президенты. Нашей стране нужен прежде всего такой кандидат, которому уже не может повредить расследование его биографии: если партийные враги начнут кащаться в его темном прошлом, то не забудут и о моем. Я не боюсь никаких скандалов, кроме широкой публики. Ведь если кандалата заранее знает с какой худшей стороны, тот, кто вздумает подкопаться под него, только сидят в луже. Итак, я намерен выйти на политическую арену без личных тайн. Готов заранее признать все свои неблаговидные поступки, а если какая-нибудь комиссия конгресса пожелает рыться в моем прошлом в поисках новых примеров гнусных

продажек, которые якобы я утаил,— пускай щопощет!

Чистосердечно заявляю, что зимой 1850 года я загнал на дерево моего дедушку. Он был стар и весь скрючен от ревматизма, и вряд ли умел бы держаться на дереве, но по части лазанья не деревеня: но я со свойственным беспожалостностью вытащил его почкою за дерево и цепляясь из ружьи, заставляя вскарабкаться на старый клен, где он и просидел до утра с простираемыми ногами. Я это сделал в наказание за то, что он хралеп. И сделью еще раз не колеблясь, если у меня заведется снова когда-нибудь дедушка. Я и сейчас такой же изверг, каким был в 1850 году.

Готов честно засвидетельствовать, что я дезертировал из армии северян во время битвы при Геттисберге. Моя дружки пытаются замазать этот факт, изображая его так, будто бы я следил примеру Вашингтона под Валдей-Форжем, побежкто в лес молились Богу. Жалкая выдумка! Бежать-то я бежал, это правда, и пр义менно до троттика Рака, потому что трусил. Я думал о спасении родины, но все же предпочитал, чтобы ее спасали другие. И по сей день предпочитаю. Если для мысленного пузаты славы надобно почивать порох, я готов постыдиться пущенного жара, но только с условием, что я буду спасать родину. Если же обяжут, что она заряжена, я все же бы то ни стало перемахнуть через забор и дам гиги.

По финансовым вопросам я придерживался весьма решительных взглядов, хотя знаю, что среди приверженцев инфляции это, пожалуй, не будет способствовать моей популярности. Для меня нет существенной разницы между твердой золотой валютой и бумажными деньгами. Основной, важнейший принцип, которого я придерживаюсь всю жизнь — это хватать любые деньги, какие только удастся застегнуть.

Саху о том, что я похоронил свою тетушку у себя в винограднике, достоверны. Винограднику нужно было удобрение, тетушку нужно было предать земле, вот я и приспособил похорону для этой благой цели. Неужто это гротеск испортит мои планы на избрание президента?

В конституцию нашего государства на сей счет никто не склонен. Ни одному гражданину нашей страны не было сомнения в достоверности его кандалатуры в пропаганде по-богородиче, что он удобряя виноградных останками своих усопших родственников. Почему же далекие я стала первой жертвой столы неслыханного предрасудка?

Признаюсь также, что я являюсь другом бедных. При нынешнем положении я считаю бедников сырьем, которое пропадает совершиенно зря. А если их рубить на куски и консервировать по всем правилам, ими можно подкармливать жителей Острова людоедов и, кстати, способствовать нашей экспортной торговле с заморскими странами. Я намерен рекомендовать принятие соответствующего закона в своем первом президентском послании конгрессу. Моя избирательная кампания будет проводиться под лозунгом «Порубим рабочую бедноту на колбасу»!

Ну вот, пожалуй, все наиболее неприметные факты из моей биографии. Поведав вам поганой обратно, откуда пришла. Но я рекомендую вам себя как человека надежного, который вступает на это поприще уже абсолютно реставрированным и поменявшим решимость оставаться недолгим до конца.

Перевод с английского
В. ЛИМАНОВСКОЙ

ГИАНТСКИЙ СЛАДОМ.

Рисунок Ю. Чистякова и А. Костина.

СВЕРХНАСТОЙЧИВЫЙ.

Рисунок Б. Чупрыгина.

ПЕРЕСТРАХОВЩИК.

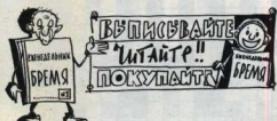
Рисунок В. Дрогалина.

Котирейки

Л. МИТНИЦКИЙ,
С. РАЖЕВ.

Он причисляя себя к прогрессивно мыслящим: только и думал о прогрессивном.

Рекомендую возобновить годовую подписку на бесцветное издание, красок не жалеют.

— Почему вы ставите мне двойку? Разве я сделал много ошибок?
— Единственную: сунули шпаргалку мимо кармана!

Автобиография его сводилась к тому, что он покупал и перепродаив авто.

Самуил ЭЙДЛИН

ДЕСЯТЫЙ ВАЛ
Художник выставил одну, Пополнив новую картиной, Изобразив Соловьи, Волни, Энгэз,

Черепаху луну И шаг, покрыты паутиной. Свою картину он назвал «Десятый вал». Эмоции бурных не тая, Промолвил зрителя:

— Нет-нет,

Второе сказали:

— Галиматья.

А третий:

— Брат Психопатичной! Четвертый был не так уж строг: Презрел слова стоявших рядом, Он, впрочем, видел,

Как знаток, Онину холст пыльным взглядом, Подняв руку заслоню И, отдавая дань фантуре,

Сказав:

— Во это полотно! (Он понимал... в мануфактуре.) Рисунок В. Недогонова.

— А НЕТ У ВАС ЗЛОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ?

Рисунок В. Серюгова.

ЕЛКА У ФАРМАЦЕВТОВ.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

ТАК И НЕ РЕШИЛСЯ!

Рисунок Ю. Чистякова и А. Костина.

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок С. Крылова.

МОРСКАЯ ДУША.

Рисунок Ю. Чистякова и А. Костина.

— И ТУТ НЕ ГУДИТ, ПРОКЛЯТЫЙ!

Рисунок Б. Баранова.

НЕ ПО ПУТИ

Рисунок Л. Самойлова.

За поворотом поворот —
И вот
въезжаем в Новый год.
Мы не сбавляем скорости,
Не прекращаем спор вести
Со всем,
мешающим идти,
Что
пристает к нам на пути.

Смотрите:
Тунгядцы
На крыше сладко спится.
Успел-таки забраться,
Сумел он пристоптиться!
А это кто-то, что-то
Из грязного болота
Пискит сквозь джазий вой:
«Возьмите нас с собой!»

Они допреклонялись
Пред всем,
Что пахнет Западом,
И сами провоняли
Чужим стиляжным запахом.
Но мы за тунгядцев
Всерьез решили ехать:
— Нет, не для вас вагон,
Эй, тунгядцы, — вон!

И. БАХТИНОВ

ПИСЬМО РОДИТЕЛЯМ СО СТРОЙКИ

«Я жизнь свою связал теперь со
стройкой:
В руках насос, я в пene весь.
Аврал!
Освоил делов...
(Сын стоял за стойкой —
Строителям он пиво продавал!)

ПАПИН ИЖДИВЕНЕЦ

Без дела бродят зиму, лето
При шляпе. В новеньком пальто.
Его сначала звали некто.
Теперь он вырос. Стал никто.

Цена номера 2 руб.
С 1/1, 1961 г. цена 20 коп.